

**СУБЪЕКТИВНО-ОЦЕНОЧНЫЕ
СУФФИКСЫ У СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В
ПОВЕСТИ “ДРУГАЯ ЖИЗНЬ” Ю.
ТРИФОНОВА И ИХ ПЕРЕВОДЫ НА
НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК**

Дипломная работа
Кафедра русского языка
университета Ювяскюля
Весна 1999 года

Туулиа Леппикорпи

Tiedekunta	Laitos
HUMANISTINEN	Venäjän kielen laitos
Tekijä	
Tuulia Leppikorpi	
Työn nimi	
Venäjän kielen substantiivien arvottavat suffiksit ja niiden käännökset saksan kieleen Juri Trifonovin teoksessa "Drugaja žizn' "	
Oppiaine	Työn laji
Venäjän kieli ja kirjallisuus	Progradu
Aika	Sivumäärä
1999 kevät	96
<p>Tiivistelmä - Abstract</p> <p>Tutkin työssäni venäjän kielen substantiivien arvottavia suffikseja ja niiden käännöksiä saksan kieleen. Subjektiivisesti arvottavat suffiksit ovat yksi tärkeimmistä keinoista ilmaista ekspressiivisyyttä venäjän kielessä. Niiden avulla muodostetaan substantiivista "subjektiivisen arvion muoto" lisäämällä substantiivin vartaloon arvottava suffiksi, esim. <i>ruka</i> ('käsi') > <i>rutš-ka</i> > <i>rutš-onka</i> ('kätönen') Nämä suffiksit tuovat alkuperäiseen sanaan erilaisia ekspressiivisyyden vivahteita, positiivisia tai negatiivisia. Arvottavien suffiksien avulla ihminen voi ilmaista hellyyttä, hyväksyntää, arvostusta tai vastaavasti halveksuntaa, ironiaa, vastenmielisyyttä, väheksyntää jne. jotakin toista ihmistä, esinettä tai asiaa kohtaan. Arvottava suffiksi voi tuoda myös pienuuden merkityksen sanaan, mutta usein siihen liittyy myös puhujan positiivinen tai negatiivinen asenne keskustelun kohteena olevaan asiaan. Kontekstilla on hyvin ratkaiseva osuus määritettäessä merkitystä, jonka subjektiivisesti arvottava suffiksi välittää substantiiviin tai koko ilmaukseen.</p> <p>Tutkimusmateriaalina oli Juri Trifonovin romaani "Drugaja žizn' " ('Toinen elämä') ja sen saksannos "Das andere Leben". Keräsin teoksesta kaikki subjektiivisesti arvottavat substantiivit, tarkastelin, mitä suffikseja käytetään eniten ja analysoin, missä merkityksessä niitä on käytetty romaanissa. Tutkin myös, miten nämä subjektiivisesti arvottavat muodot on käännetty saksaan. Eniten Trifonov käyttää ensimmäisen asteen suffikseja <i>-ok/ -jok/ -jek</i> ja <i>-k(a)</i> sekä toisen asteen suffiksia <i>-otšk(a)/-jetšk(a)</i>. Niitä käytetään eniten kielteisessä merkityksessä, usein nimenomaan halventavassa merkityksessä.</p> <p>Saksan kieleen venäjän substantiivien "subjektiivisen arvion" muodot on käännetty useimmiten perusmuodossa olevalla substantiivilla, jolloin käänнос jää yleensä neutraalimmaksi merkitykseltään. Toiseksi eniten käytetty keino käännökssä ovat arvottavat suffiksit. Eniten käytetään suffiksia <i>-chen</i> (75%) ja sitten suffiksia <i>-lein</i> (19%) . Mielestäni käänнос vastaa parhaiten alkuperäistä juuri silloin, kun kääntäjä on käyttänyt arvottavaa suffiksia myös saksan kielessä. Tosin kääntäjä on löytänyt myös hyvin kuvaavia adjektiiveja ja substantiiveja sekä joissakin tapauksissa myös yhdysanoja, joiden kautta merkitys välittyy saksaan onnistuneesti.</p>	
Asiasanat subjektiivisesti arvottava suffiksi, substantiivi	
Säilytyspaikka Venäjän kielen laitos	

ОГЛАВЛЕНИЕ

1 ВВЕДЕНИЕ	6
2 О СЛОВООБРАЗОВАНИИ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ	8
2.1 О словообразовании в русском языке	8
2.1.1 Лексико-синтаксический способ словообразования	12
2.1.2 Лексико-семантический способ словообразования	12
2.1.3 Морфолого-синтаксический способ словообразования	13
2.1.4 Морфологический способ словообразования	14
2.1.4.1 Сложение	14
2.1.4.2 Бесаффиксный способ словообразования	15
2.1.4.3. Аффикация	16
2.2 О словообразовании в немецком языке	18
3 СУФФИКСЫ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ У СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ	20
3.1 Суффиксы субъективной оценки у существительных в русском языке	20
3.1.1 Суффиксы первой степени субъективной оценки	24
3.1.1.1 Суффиксы <i>-ок/ -ёк/ -ек, -ик и -чик</i>	24
3.1.1.2 Суффиксы <i>-к(а), -к(о), -ко и -ик(о)</i>	25
3.1.1.3 Суффиксы <i>-ец, -ц(о)/-ц(е)/-ец(о)/-иц(е)</i> и <i>-иц(а)</i>	26
3.1.1.4 Суффиксы <i>-инк(а), -ыш, -ет(а)/-етт(а) и</i> <i>-етк(а)/-этк(а)</i>	27
3.1.2 Суффиксы второй степени субъективной оценки	28

3.1.2.1 Суффиксы <i>-очек</i> / <i>-ёчек</i> , <i>-очк(а)</i> / <i>-ечк(а)</i> и <i>-чк(о)</i>	28
3.1.2.2 Суффиксы <i>-ышек</i> , <i>-ышк(о)</i> , <i>-ушк(о)</i> / <i>-юшк(о)</i> и <i>-ушк(а)</i> / <i>-юшк(а)</i>	29
3.1.2.3 Суффиксы <i>-ишк(о)</i> , <i>-ишк(а)</i> , и <i>-ошк(а)</i> / <i>-ёшк(а)</i>	30
3.1.2.4 Суффиксы <i>-онок</i> / <i>-ёнок</i> и <i>-онк(а)</i> / <i>-ёнк(а)</i>	30
3.1.2.5 Суффикс <i>-ньк(а)</i> / <i>-оньк(а)</i> / <i>-еньк(а)</i>	31
3.1.2.6 Суффиксы <i>-ичк(а)</i> и <i>-ашк(а)</i> / <i>-яшк(а)</i>	31
3.1.3 Суффиксы третьей степени субъективной оценки	32
3.1.3.1 Суффиксы <i>-оночек</i> / <i>-ёночек</i> и <i>-оночк(а)</i> / <i>-ёночк(а)</i>	32
3.1.3.2 Суффиксы <i>-ишечк(а)</i> , <i>-ишечк(о)</i> и <i>-ушечк(а)</i> / <i>-юшечк(а)</i>	32
3.1.3.3 Суффиксы <i>-иночк(а)</i> , <i>-урочк(а)</i> и <i>-уленьк(а)</i>	33
3.2 Суффиксы субъективной оценки у существительных в немецком языке	33
3.2.1 Суффиксы <i>-chen</i> и <i>-lein</i>	34
3.2.2 Другие суффиксы субъективной оценки	35
4 СУФФИКСЫ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ У СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ПОВЕСТИ “ДРУГАЯ ЖИЗНЬ” И ИХ ПЕРЕВОДЫ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК	38
4.1 Суффикс <i>-ок</i> / <i>-ёк</i> / <i>-ек</i>	39
4.1.1 Положительная оценка	39
4.1.2 Отрицательная оценка	43
4.1.3 Уменьшительное значение	47
4.2 Суффиксы <i>-ик</i> и <i>-чик</i>	48
4.2.1 Положительная оценка	49
4.2.2 Отрицательная оценка	51

4.2.3 Уменьшительное значение	56
4.3 Суффиксы <i>-к(а), -к(и), -к(о)</i> и <i>-ик(о)</i>	58
4.3.1 Положительная оценка	58
4.3.2 Отрицательная оценка	61
4.3.3 Уменьшительное значение	66
4.4 Суффиксы <i>-ец, -ц(е), -иц(а), -инк(а)</i> и <i>-ыш</i>	68
4.4.1 Положительная оценка	68
4.4.2 Отрицательная оценка	69
4.4.3 Уменьшительное значение	70
4.5 Суффиксы <i>-очек, -очк(а)/-ечк(а)</i> и <i>-ечк(о)</i>	71
4.5.1 Положительная оценка	72
4.5.2 Отрицательная оценка	74
4.6 Суффиксы <i>-ушк(а)/-юшк(а), -ишк(о), -ишк(а)</i> и <i>-ышк(о)</i>	77
4.6.1 Положительная оценка	77
4.6.2 Отрицательная оценка	78
4.7 Суффиксы <i>-ёнок -онк(а)/-ёнк(а)</i> и <i>-енк(а)</i>	80
4.7.1 Положительная оценка	80
4.7.2 Отрицательная оценка	82
5 ВЫВОДЫ	84
6 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	92
ИСТОЧНИКИ	94
ЛИТЕРАТУРА	94

1 Введение

В настоящем исследовании рассматриваются существительные с суффиксами субъективной оценки в русском языке, а также их переводы на немецкий язык. Нам интересна эта тема потому, что при изучении русского и немецкого языков мы заметили, что суффиксы субъективной оценки очень существенны для русского языка, и что они употребляются также в немецком языке. Очень интересно сравнить эти два языка друг с другом.

Существительные с суффиксами субъективной оценки являются одним из самых важных средств выражения экспрессии в русском разговорном языке. Это специальные формы слова, которые образуются путем прибавления суффикса субъективной оценки к основе исходного слова. Они передают разные дополнительные оттенки экспрессии высказыванию, положительные и отрицательные, например, ласкательность, уничижительность, презрительность, одобрение и иронию. Субъективно-оценочные суффиксы могут иметь и уменьшительное значение, но часто с ним связана также положительная или отрицательная коннотация. (Братус 1969, 1; Виноградова 1984, 80.)

В данном исследовании рассматривается, какие субъективно-оценочные суффиксы встречаются у существительных в повести “Другая

жизнь”, написанной Юрием Трифоновым, и в каких функциях эти субъективно-оценочные существительные употребляются. Интересно также рассмотреть, каким образом субъективно-оценочные существительные переведены на немецкий язык. Использует ли переводчик также субъективно-оценочные формы в немецком языке или он использует другие средства для выражения экспрессивности, выраженной в оригинальном тексте.

Материал исследования состоит из 240 субъективно-оценочных существительных, которые мы собрали в повести “Другая жизнь” и из их немецких переводов. Повесть “Другая жизнь” переведена на немецкий язык Александером Кемпфем (Alexander Kaempfe).

Сначала рассматривается словообразование в русском и немецком языках и после этого образование субъективно-оценочных существительных в обоих языках. В главе 4 мы рассматриваем подробнее, какие суффиксы встречаются в повести и анализируем значения, которые они передают, и их переводы на немецкий язык.

2 О СЛОВООБРАЗОВАНИИ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

2.1 О словообразовании в русском языке

В этой главе мы рассматриваем структуру слов, т. е. как образованы слова в русском языке и каким способом сегодня образуются новые слова. В русском языке можно различить два типа слов: слова, которые имеют формы словоизменения, и слова, которые не имеют форм словоизменения. Слова первого типа состоят из основы и окончания, или флексии. Например слово *перевозка* состоит из основы *перевозк-* и окончания *-а*. Слова второго типа содержат чистую основу, например слова *перед*, *но*, *здесь*. (Современный русский язык 1971: 132, далее в работе употребляется сокращение СРЯ; Шанский и Тихонов 1981: 5, 17.)

Основа - это часть слова, которая выражает его главное значение. Окончание - это такая часть слова, с помощью которой образуются обычно не новые слова, а различные формы одного и того же слова. С помощью окончания выражаются синтаксические свойства слова в предложении. Окончание может быть и нулевым. Например, в различных формах слова *стол* (*стола*, *столу*, *столом*, *(о) столе* и т. д.) выделяется

основа стол и окончание *-а, -у, -ом* и *-е*. В именительном падеже единственного числа у этого слова нулевое окончание. (СРЯ 1971: 132.; Шанский и Тихонов 1981: 37.)

Далее основа слова делится на корень и аффиксы (см. подробнее 2.1.4.3). Корнем является общая часть родственных слов, которая выделяется при сопоставлении однокоренных слов. Заметим, что например, слова *ходить, выходить, приходить, выход* и *ходовой* являются однокоренными, и в них можно найти общий корень *ход-*. (СРЯ 1971: 132.)

К корню возможно прибавить различные аффиксы. Аффиксами называются все значимые части слова, за исключением корня, т. е. приставки, суффиксы, окончания и соединительные гласные. Приставка или префикс стоит перед корнем, а суффикс между корнем и окончанием. Например, слово *перевозка* состоит из приставки *пере-*, корня *-воз-*, суффикса *-к* со значением отвлеченного действия и окончания *-а*. В однокоренном слове *перевозчик* приставка и корень те же как в вышеупомянутом слове, но оно образовано с помощью суффикса действующего лица *-чик* и он имеет также нулевое окончание. Аффиксы делятся на словообразующие, с помощью которых образуются новые слова, и на формообразующие, которые образуют формы одного и того же слова. В использовании аффиксов для словообразования и формообразования следуют определенным правилам. Прибавление того или иного аффикса зависит от лексико-грамматических свойств слова или основы. Например окончания *-у, -ю, -ешь* и *-ит* используются для образования форм глаголов. В развитии словообразования и формообразовании одни аффиксы более продуктивны, другие менее продуктивны. Сложные слова часто содержат еще одну часть слова, это - соединительная гласная *о/е*, например, слова *корабл-е-строение* и *пар-о-воз*. (СРЯ 1971: 133; Шанский и Тихонов 1981: 5-6.)

Как мы видим, слова состоят из отдельных частей, т. е. приставок, корней, суффиксов и окончаний, и эти значимые части слова называются морфемами. Например, слово *холодненький* содержит четыре морфемы:

холод, *-н*, *-еньк*, *-ий*. Выделение морфем в составе слова и определение их значения производится на основе сопоставления с другими словами и с другими формами данного слова. (СРЯ 1971: 133; Шанский и Тихонов 1981: 5.)

Слова русского языка делятся по структуре основы на непроизводные и производные (СРЯ 1971: 135; Шанский и Тихонов 1981: 18-20.). В Русской грамматике (1982: 133-134, далее в работе употребляется сокращение РГ) употребляются термины немотивированные и мотивированные основы. Непроизводная основа является целым, которое невозможно членить дальше на отдельные морфемы. Производная же основа является составным целым, которое можно делить на отдельные морфемы. Например, основа слова *гор-а* непроизводная и ему соответствует производная основа *горец* (корень *гор-* и суффикс *-ец*). Производная основа всегда содержит непроизводную основу. Членимость производной основы на отдельные морфемы - это свойство, которое наличествует в ней только до тех пор, пока в языке наличествует и непроизводная основа, соответствующая производной. Если непроизводная основа исчезает из языка, становится соответствующая производная основа непроизводной. Такое слово, например, *палка*. В древнерусском языке его основе соответствовала непроизводная основа *пала*, которая выпала из словаря современного русского литературного языка. (СРЯ 1971: 135.)

Как выше указано, основы русских слов различаются не только по их морфологическим свойствам, но и по лексическому значению. Значение непроизводной основы - немотивированное, т. е. непроизводная основа не отвечает на вопрос, почему предметы действительности, например, предмет *вал*, именно так называется. Значит, непроизводная основа обозначает предметы действительности непосредственно, условно. Значение производной основы, например, слова *валик*, осмыслено и мотивированно. Значение такой основы как бы образуется из значений отдельных морфем, которые входят в основу: *валик* мы понимаем как 'небольшой вал'. Значит, "производная основа обозначает предмет

действительности путем установления связи этого предмета с другими предметами опосредствованно” (СРЯ, 1971, 136). Это различие в значении производной и производной основы всё-таки не универсально, ср. *зонг* - *зонтик*. (СРЯ 1971: 136.) В РГ (1982: 133) представлена словообразовательная мотивация так, что из двух однокоренных слов, сопоставляемых друг с другом, значение одного определяется через значение другого (ср. *дом* - *домик* 'маленький дом') или его значение идентично со значением другого во всех своих компонентах, кроме части речи (ср. *бежать* - *бег*).

Со словообразованием, а не с морфологическими свойствами, связан термин “производящая основа” (По РГ - это мотивирующая). Производящей называется основа, от которой образуется производная основа. Производящей основой может быть и основа производная и производная. Например, когда мы сопоставляем друг с другом родственные слова *хвост*, *хвостина* и *хвостинка*, замечаем, что в первом слове основа является производной, во втором и третьем производной. Для производных основ *хвостин-* и *хвостинк-* производящие основы *-хвост-* является производной и *хвостин-* производной. (СРЯ 1971: 137.)

Новые лексические единицы появляются в языке постоянно, и этот процесс происходит двумя путями: путем заимствования из других языков и путем различных способов словообразования. Заимствование всегда ограничено отдельными, определенными лексическими единицами и не играет очень большую роль в словопроизводстве. Всё же в отдельных периодах его роль в развитии языка может быть заметная. (Шанский 1968: 252-253.) Особенно, сегодня заимствуются слова из английского языка. В русском языке можно различить четыре способа, с помощью которых возникают новые слова: лексико-синтаксический, лексико-семантический, морфолого-синтаксический и морфологический способы словообразования. В следующих разделах рассмотрим способы русского словообразования по работам Шанского и Тихонова (1981) и СРЯ (1971), и после этого сравним их с толкованием РГ (1982). (Шанский и

Тихонов 1981: 64-71; СРЯ 1971: 143-147.)

2.1.1 Лексико-синтаксический способ словообразования

С помощью лексико-синтаксического способа образуются новые слова таким образом, что две или более лексических единиц объединяются в одно слово, т.е. “в результате сращения” в процессе употребления в языке. В одно слово могут объединяться и устойчивые словосочетания, и сочетания самостоятельных слов со служебными словами (с предлогом или отрицанием). (Шанский и Тихонов 1981: 64.)

В образовании новых слов лексико-синтаксический способ является продуктивным только в области наречий и служебных слов. Следующие слова возникли таким образом: *спасибо* из *спаси* и *бог*, *вышеуказанный* из *выше* и *указанный*, *если* из *есть* и *ли* и *сумасшедший* из *с*, *ума* и *шедший*. Можно заметить, что в возникших с помощью сращения некоторых словах происходили и звуковые изменения, напр., слова *если* и *спасибо*. Часто теряется также мотивированность названия предмета действительности. (Шанский и Тихонов 1981: 64.)

2.1.2 Лексико-семантический способ словообразования

Под лексико-семантическим способом словообразования понимается возникновение новых слов таким образом, когда то или иное слово, которое уже существует в языке, получает какое-либо новое смысловое значение. Оно расщепляется на два или более слова-омонима, сосуществующих в языке как слова с различным значением, например, *кулак*, которое употребляется и в значении: *кисть руки, сжатая для удара* и в значении *эксплуататор*. (СРЯ 1971:143; Шанский и Тихонов 1981: 64-65.) Кроме возникновения новых слов на базе отдельных слов, они могут образовываться и на базе фразеологических оборотов (“как

сжатие фразеологического оборота в слово”). Например, слово *партия* начали употреблять в советское время в значении “КПСС” (коммунистическая партия Советского союза). (Шанский и Тихонов 1981: 64-65.)

2.1.3 Морфолого-синтаксический способ словообразования

С помощью морфолого-синтаксического способа возникают новые слова, когда слова переходят из одной части речи в другую. В этом процессе различаются два подтипа: 1) лексикализация грамматической формы и 2) семантико-грамматическое переоформление целой парадигмы. В первом случае новое слово получает все признаки, которые имеет та часть речи, в которую оно переходит. Таким словом может быть существительное *суть*, которое возникло на базе формы 3-го лица, множественного числа глагола *быть* в настоящем времени. “При семантико-грамматическом переоформлении целой парадигмы формы словоизменения нового слова в известной мере остаются прежними”, например, субстантивированные прилагательные, т. е. существительные продолжают склоняться как прилагательные. Такие существительные, например, *передняя*, *гостиная* и *набережная*.

С помощью морфолого-синтаксического способа образуются новые слова среди существительных и прилагательных, но этот способ словообразования нехарактерен для глаголов, причастий и деепричастий. (Шанский и Тихонов: 1981, 67.) В СРЯ (1971: 144) всё-таки даётся несколько примеров, в которых причастие перешло в имя существительное: например *заведующий*, а деепричастие перешло в предлог: *благодаря*.

2.1.4 Морфологический способ словообразования

Путём морфологического способа словообразования образуются новые слова с помощью элементов, существующих в языке, т. е. с помощью основ и словообразовательных суффиксов. Этот способ словообразования является самым продуктивным. Основные типы морфологического словообразования в современном русском языке по СРЯ (1971: 144-145) - сложение, безаффиксный способ словообразования и аффиксация. Кроме них Шанский и Тихонов (1981: 67-72) включают в морфологическое словообразование ещё аббревиацию и обратное словообразование. РГ (1982) также упоминает отдельно аббревиацию.

2.1.4.1 Сложение

При сложении возникают новые слова таким образом, что две или более основы объединяются в одно слово, например, слова *машин-о-пись*, *лес-о-разработки* и *научно-технический* образованы в результате сложения. В этих словах основы - полные.

Основы, которые образуют новые слова, могут тоже быть сокращенными, например в словах *ком-со-мол* и *кол-хоз*. Слова, образованные с помощью сокращенных основ, называются сложносокращенными. Таким образом возникают новые слова только в сфере имен существительных. Сложение полных основ происходит посредством соединительных гласных *о/е*, а сложение сокращенных основ вообще без соединительных гласных. Иногда слова, в основном только существительные (*мед-сестра*), можно образовывать посредством сложения сокращенной и полной основы. Можно еще различать чистое сложение и сложение основ с одновременной суффиксацией. Например, слово *черноморец* образовано посредством объединения двух основ и одновременной суффиксацией опорной основы (*черн-о-мор-ец*). (СРЯ 1971: 144; Шанский и Тихонов: 1981, 67-68.)

Согласно СРЯ (1971: 144), наиболее продуктивно при основосложении образование имен существительных мужского рода, которые произведены от глагольной непроеизводной основы, например, слова: *вертолет* и *атомоход*. В работе Шанского и Тихонова (1981: 68) упоминаются ещё прилагательные, но с помощью сложения не образуются, например, новые глаголы.

В работе Шанского и Тихонова, а также в РГ и в Современной русской языке (Розенталь, Голуб и Теленкова: 1994, 205) различается ещё аббревиация. Согласно РГ (1982: 139), под аббревиацией понимается способ словообразования, который объединяет все типы сложносокращенных и сокращенных образований. Например: *СССР*, *вуз*. При сращении и аббревиации словообразовательное значение является соединительным, как и при чистом сложении.

2.1.4.2 Безаффиксный способ словообразования

Под безаффиксным способом словообразования понимается такой способ словопроизводства, когда образующая основа становится основой имени существительного без добавления каких-либо аффиксов. Безаффиксный способ словообразования среди других типов морфологического словообразования является наименее распространенным. Продуктивен он только в образовании существительных мужского рода от префиксальных глаголов. Например, существительное *разбег* образовано от глагола *разбегаться*. От прилагательных и глаголов можно тоже образовать существительные женского и общего рода, например, слова *бездарь* и *перемена*. В этой сфере безаффиксный способ словообразования в настоящее время непродуктивен. (Шанский и Тихонов 1981: 68-69; СРЯ 1971: 144-145.)

2.1.4.3 Аффиксация

При аффиксации создается новое слово путем присоединения к основе производящего слова или к слову в целом тех или иных аффиксов. Аффиксация является наиболее продуктивным способом морфологического словообразования. Можно различать три вида аффиксации: суффиксальный, префиксальный и суффиксально-префиксальный способы словообразования. При суффиксации образуются новые слова путем присоединения суффикса к производящей основе, например, наречие *убедительно* от прилагательного *убедительный* посредством суффикса *-о*. При префиксации производится новое слово посредством прибавления префикса к целому производящему слову, например, слово *отнести* образовано от глагола *нести* с помощью префикса *от-*. При суффиксально-префиксальном способе словообразования присоединяются одновременно к производящей основе и суффикс и префикс. Например, слово *пасынок* произведено от слова *сын* посредством префикса *па-* и суффикса *-ок*. Наиболее продуктивным является суффиксальный способ, с помощью которого образуются и существительные с суффиксами субъективной оценки (*дом* > *домик*, *рука* > *ручка*). (Шанский и Тихонов 1981: 69; СРЯ 1971: 145; Розенталь, Голуб и Теленкова 1994, 206.)

Между разными видами аффиксации существуют различия и в средстве производить слова с их помощью. Суффиксальным способом образуются новые слова от основ слов, префиксальным способом от целых слов и суффиксально-префиксальным способом от основ слов (существительные и прилагательные) и от целых слов (глаголы). Эти виды различаются в образовании новых слов и с грамматической точки зрения. Посредством префиксального способа образуются слова только той же части речи, и это же касается и суффиксально-префиксального способа при образовании слов от глаголов. Посредством суффиксально-префиксального способа словопроизводства образуются новые слова от имен, а посредством суффиксации можно образовать слова и иной части

речи. (Шанский и Тихонов 1981: 69; СРЯ 1971, 146.)

В работе Шанского и Тихонова (1981: 71-72) представлено также обратное словообразование. Под обратным словообразованием понимается такое словопроизводство, с помощью которого образуются новые слова от существующих не в виде производных, а в виде производящих. Образованное этим способом новое слово - более простое по структуре, соотносимое со словом, на основе которого оно возникло. Таким образом возникли, например, слова *зонт* (< *зонтик*), *пускать* (< *пущать*).

Рассмотрим также, как в РГ (1982) обсуждаются способы словообразования и сравним их с ранее представленными способами. РГ (1982) различает способы словообразования по тому, сколько мотивирующих основ слово имеет, т. е. одну или более.

Слова, которые имеют одну мотивирующую основу, можно образовать следующими способами: с помощью суффиксации, префиксации, постфиксации, префиксально-суффиксального, префиксально-постфиксального и суффиксально-постфиксального способов, а также путем субстантивации прилагательных и причастий. Кроме последнего способа, вышеупомянутые способы словообразования соответствуют аффиксации в СРЯ (1971) и в работе Шанского и Тихонова (1981), но РГ (1982) различает еще постфиксацию (*мыть-ся*), префиксально-постфиксальный (*на-гулять-ся*) и суффиксально-постфиксальный (*горд-ить-ся*) способы. Постфиксация относится в СРЯ (1971) к суффиксации и она отдельно не выделяется, как в РГ (1982). Следовательно, префиксально-постфиксальный способ соответствует суффиксально-префиксальному способу и суффиксально-постфиксальный способ суффиксальному способу в СРЯ (1971) и в работе Шанского и Тихонова (1981). По этим работам, субстантивация прилагательных и причастий входит в морфолого-синтаксический способ словообразования.

Слова, которые имеют более чем одну мотивирующую основу образуются посредством сращения, сложения, или аббревиации. В книге Шанского и Тихонова (1981) сложение и аббревиация относятся к морфологическому способу словообразования, а сращение к лексико-

синтаксическому способу. Оба исследования различают также суффиксально-сложный способ словообразования. РГ (1982) представляет еще следующие смешанные способы: префиксально-суффиксально-постфиксальный (*пере-шуч-ива-ть-ся*), префиксально-сложный (*у-мир-о-твори-ть*), префиксально-суффиксально-сложный (*в-пол-оборот-а*), и сращение в сочетании с суффиксацией (*по-ту-сторон-н-ий*). Существуют также случаи словообразования, которые занимают промежуточное положение между аббревиацией и сложением (*пионер-лагерь*).

РГ (1982) знакомит нас еще с эквивалентами словосочетаний. Многие мотивированные слова выражают собой эквиваленты словосочетаний, которые являются неоднословными наименованиями. Такие слова часто употребляются в неофициальной речи как однословные синонимы соответствующих полных наименований. Они могут входить в разные способы словообразования; например, в суффиксацию (*лабораторная работа - лабораторка*), в субстантивацию (*выходной день - выходной*), в чистое сложение (*хлебный завод - хлебозавод*) и в аббревиацию (*лесное промышленное хозяйство - леспромхоз*). При суффиксации и субстантивации мотивированные слова содержат основу только одного из образующих полное наименование слов, при сложении и аббревиации мотивированные слова содержат основы всех или части слов. (РГ 1982, 140.)

2.2 О словообразовании в немецком языке

В соответствии с Флейшером и Барцем (Fleischer и Barz 1992: 6-7) в немецком языке можно различать три способа словообразования, посредством которых возникают новые слова с помощью материала, существующего уже в языке: семантический, синтаксический и морфолого-структурный (могут выступать тоже смешанными). Семантический способ немецкого языка соответствует лексико-семантическому способу русского языка. Семантическому способу

словообразования свойственно и в немецком языке изменение смыслового значения исходного слова. Следовательно, синтаксический способ соответствует морфолого-синтаксическому способу русского языка. Также, как в русском, так и в немецком языке изменение части речи является самым главным в этом способе. Морфолого-структурный способ словообразования считается в немецком языке вообще “словообразованием в собственном смысле”. Он делится далее на “деривацию” (Derivation) и “композицию” (Komposition). В данной работе рассматриваются существительные с суффиксами субъективной оценки, которые входят в “эксплицитную деривацию” (explizite Derivation), которую мы и рассмотрим далее подробнее.

“Эксплицитная деривация” немецкого языка соответствует аффиксации в русском языке. Значит, новые слова образуются так, что к основе производящего слова или к целому слову присоединяются аффиксы, т.е. суффиксы (*Ordn-ung, fröh-lich*), префиксы (*Un-glück, ver-gießen*) или вместе оба аффикса (*Ge-sing-e*). Суффиксация является наиболее продуктивным способом словообразования среди существительных и прилагательных в немецком языке. Посредством суффиксации образуются и существительные субъективной оценки в обоих языках. Когда от глаголов и прилагательных образуются с помощью суффиксов существительные, изменяется часть речи (Transposition), например: *verwenden* > *Verwend-ung*, *einheitlich* > *Einheitlich-keit*, но в образовании существительных субъективной оценки не изменяется часть речи (Modifikation), ср. *Haus* > *Häuschen*, *Buch* > *Büchlein* (Fleischer и Barz 1992: 46; Weinrich 1993: 956-957; Erben 1993: 81-83). В немецком как и в русском языке мотивирующим словом, когда образуются существительные субъективной оценки, является вообще существительное, но иногда также прилагательное, а в немецком даже (тогда происходит и изменение части речи) глагол, например: *dumm* > *Dummchen*, *nickern* > *Nickerchen*. (Stepanowa и Fleischer 1985: 121).

3 СУФФИКСЫ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ У СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

3.1 Суффиксы субъективной оценки у существительных в русском языке

В русском языке можно выразить разнообразные экспрессивные оттенки посредством суффиксов субъективной оценки. С их помощью возможно образовать специальные словоформы с экспрессивной окраской от существительных (*дом > доми́к*), прилагательных (*ми́лый > ми́ленький*) и наречий (*бы́стро > бы́стренько*), но самым продуктивным это средство является среди существительных, которые рассматриваются в данной работе. (Братус 1969: 3; Виноградов 1972: 97-98; Виноградова 1982: 80.)

В русском языке система суффиксов субъективной оценки очень богата и многообразна. Существует один важный вопрос в изучении существительных с суффиксами субъективной оценки: являются ли существительные с суффиксами субъективной оценки самостоятельными словами или это лишь формы слова? Шахматов рассматривал существительные с суффиксами субъективной оценки не как

самостоятельные, а как формы мотивирующего существительного (1941: 452-453). Виноградов (1972: 98-99) относил суффиксы субъективной оценки к формообразующим, но отмечал широкую возможность превращения уменьшительно-ласкательных форм в самостоятельные слова (ср. *сеть* и *сетка*, *ручка двери*). Он сделал вывод о промежуточном, переходном положении форм субъективной оценки имён существительных между формами слова и разными словами. В РГ (1982: 603) рассматриваются существительные с субъективно-оценочными суффиксами как самостоятельные слова, а значение этих суффиксов считается модификационным, добавляющим некоторый компонент значения к значению мотивирующего слова. Мы согласны с Виноградовым, что суффиксы субъективной оценки являются формообразующими, но субъективно-оценочные формы могут превращаться и в самостоятельные слова.

Традиционно суффиксы субъективной оценки делятся на уменьшительные (деминутивные) и увеличительные (аугментативные) (Каласниemi 1992: 11; Виноградова 1982: 80). Суффиксы субъективной оценки употребляются прежде всего в разговорно-бытовой речи, в народной поэзии и художественной литературе, в которой воспроизводится и отражается разговорно-бытовая речь. Чем более официальную функцию имеет язык или текст, тем реже употребляются в нем образования с суффиксами субъективной оценки (Гвоздев 1965: 77). Исключением являются статьи и работы полемического характера, в которых встречаются такие слова как *идейка*, *теорийка*, *статейка* и т. д. (Братус 1969: 3; Виноградова 1984: 80; Дементьев 1953:5.)

Использование существительных с суффиксами субъективной оценки придаёт высказыванию разнообразные оттенки положительной или отрицательной оценки говорящего предмета или собеседника: ласкательность, сочувствие, одобрение, презрительность, уничижительность, иронию и т. д. (Лукиянова 1986: 45-47). Конечно, существительными с суффиксами субъективной оценки можно также выражать уменьшительность, но вообще с ней всё же связана

положительная или отрицательная эмоциональность. По нашему мнению, в книге “Russische Umgangssprache” (1995: 203) метко описывается функция употребления суффиксов субъективной оценки в русском языке: *“Im Russischen kann der Sprecher mit dem Gebrauch expressiver Derivate sowohl seine Beziehung zum Denotat als auch - und das ist das Besondere - seine Beziehung zum Gesprächspartner, der im Denotat nicht enthalten ist, zum Ausdruck bringen, um eine intime, ungezwungen [sic!] Atmosphäre zu schaffen und um seine höfliche oder freundschaftliche Zuneigung bzw. Abneigung und Verachtung u.a.m. auszudrücken.”*

Вообще субъективно-оценочные формы образуются от многих существительных конкретного значения. Эти слова, обозначающие конкретные предметы и определяющие лицо, входят, например, в следующие семь групп слов: родственники (*сын > сыночек*), части тела (*рука > ручка*), одежда (*костюм > костюмчик*), пищевые продукты (*хлеб > хлебушко*), животные и растения (*кошка > кошечка, ёль > ёлочка*) и явления природы (*ветер > ветерок*). Очень продуктивно в русском языке образование субъективно-оценочных форм от собственных имён лиц. Например, от имени *Мария* возможно образовать даже 20 разных форм с помощью суффиксов субъективной оценки: *Маруся, Марусенька, Марусечка, Маша, Машка* и т.д. (Братус 1969; 4-5.)

Суффиксы субъективной оценки иногда используются для передачи размерности - уменьшительности или увеличительности, с которой однако связана и субъективная оценка говорящего, например, “У них дача/там кровати маленькие/пододеяльнички с кружевцами/зановесочки на окнах/зеркальца//; Махонькие комнаточки/крохотулечки//; И вот в этом отдельном домишечке мы и живем.”; Вы бы видели какой тортина! (Russische Umgangssprache 1995: 204.)

Существительные с суффиксами субъективной оценки очень часто употребляются тогда, когда говорящий хочет выразить ласкательное и сердечное отношение к собеседнику, но не к предмету. Такие случаи, например, когда взрослые говорят детям и о детях, и когда говорят больным (Дементьев 1953: 5). В книге “Russische Umgangssprache” (1995:

205) приводятся хорошие примеры о этого: “(мать ребёнку:) Что тебе дать/*молочка* или *компотика*? ; Где же твои *гольфйки*? ; (мать берёт толстую книгу в руку): Давай *книжечку* почитаем; (врач больным:) Я вам *сердечко* послушаю/*давления* смерю// Как *головушка*?

Суффиксы субъективной оценки особенно часто употребляются и в сфере обслуживания, например, в магазинах, в ресторанах, в кино, в кафе и т.д. Их употребляют и работники, и клиенты (Russische Umgangssprache 1995: 205) (в магазине): Три десятка *яичек*// Два *сырочка* плавленных. При просьбах используются тоже суффиксы субъективной оценки для выражения вежливости: “(за стол) Передайте *тарелочку*!” “(по телефону) *Минуточку* подождите!”

Суффиксы связаны с отрицательной оценкой, зависящей от контекста, но их можно использовать также для выражения положительного отношения или оценки: “*Винишко* что надо”; Какой *котишка* //Прелесть!” (Russische Umgangssprache 1995: 204)

Суффиксами субъективной оценки выражаются и отрицательные эмоции, т.е. ирония, неодобрение и пренебрежение. Эти высказывания могут указывать на самого говорящего или на собеседника и, возможно, что с субъективно-оценочными формами связаны и самоирония или желание не показаться смешным. С этой целью часто употребляются существительные с суффиксами *-ец* и *-ишко*: “Тут у меня кой-какие *замечаньица* есть; Ну и *выступленьице*! Смех один. (иронически о докторантке) Она добросовестная// *Сносочку* на каждое слово/*ссылочку* на каждую *страничку*.” (Russische Umgangssprache 1995: 205-206.)

Можно заметить, что посредством суффиксов субъективной оценки выражаются самые разнообразные оттенки экспрессии, положительные и отрицательные эмоции говорящего к какому-либо предмету или собеседнику. Оттенки, которые этими суффиксами передаются, зависят от контекста. (Воротников 1988, 64). Далее мы рассмотрим отдельные суффиксы субъективной оценки подробнее по их степени оценочности.

В русском языке можно различить три степени экспрессивности среди суффиксов субъективной оценки. Субъективно-оценочные

существительные первой степени образуются, когда к основе существительного присоединяется суффикс первой степени, например, суффикс *-к(а)*: *река > реч-ка*. Существительные субъективной оценки второй и третьей степени образуются далее с помощью суффиксов второй и третьей степени, например, от словоформы *реч-ка > реч-онка* (вторая степень) *> реч-оночка* (третья степень). (Виноградов 1972: 99, 122; Братус 1969: 8-10, 39.) Мы делим суффиксы субъективной оценки на три степени вслед за Виноградовым и Братусом. Конечно, мы тоже рассматриваем, какие суффиксы связаны и с какими родами слов, а также, какие значения субъективно-оценочные суффиксы могут придавать словам. Мы предпочитаем представление суффиксов по форме, а не по значению потому, что значение, как уже выше было упомянуто, зависит от контекста, и один и тот же суффикс субъективной оценки может иметь разные и даже противопоставленные значения в разных контекстах.

3.1.1 Суффиксы первой степени субъективной оценки

3.1.1.1 Суффиксы *-ок/ -ёк/ -ек, -ик и -чик*

Суффикс *-ок/ -ёк/ -ек* связан с существительными мужского рода и они очень продуктивны: *голосок, домок, чаёк, старичок, петушок, дружок* (чередования *к - ч, х - ш, г - ж*). Они придают слову значение уменьшительно-ласкательности, реже уменьшительно-уничижительности (*типчик, хозяйчик*) и иногда только ласкательности. (Виноградов В.В. 1972: 99; РГ 1982: 208; Братус Б.В. 1969: 22.)

Согласно Виноградову (1972: 99), суффикс *-шек/ -шок* является вариантом суффикса *-ок/ -ёк*, и он присоединяется к существительным, которые оканчиваются на *-н* или *нь*. В РГ этот случай считается чередованием согласных *н* и *нь* с согласным *ш* (1982: 209). В обеих работах можно найти примеры: *баран - барашек* и *камень - камешек*.

Суффикс *-ик* (без ударения) также связан с существительными

мужского рода, и он очень продуктивен в русском языке. Он придаёт значения уменьшительно-ласкательности, уменьшительности, нежности, сердечности или иногда уничижительности. Этот суффикс взрослые употребляют, когда они говорят детям, или дети сами употребляют его в речи. Например: “Моему *братику* уже *годик*, у него прорезался *зубик*.” (Братус 1969: 18-19.)

Существительные с суффиксами *-ик* и *-ок* вообще имеют одинаковые значения, но иногда, когда они образуют парные формы от одного и того же слова, суффикс *-ик* более экспрессивен и выражает любезность, а суффикс *-ок* выражает только уменьшительность. Парные формы возможно образовать от простых основ, например, *листок* и *листик*, *домок* и *домик*. Однако, от большей части слов парные формы невозможно образовать. (Виноградов 1972: 100.)

Вариантом суффикса *-ик* является суффикс *-чик*. Суффикс *-чик* часто присоединяется к основам слов мужского рода на *-ец* и к словам на *-ан* и *-ун*, например: *мальчик*, *чемоданчик*, *щелкунчик* (Виноградов 1972: 100). По Братусу (1969: 21), этот продуктивный суффикс присоединяется к основам на *-в*, *-л*, *-м*, *н*, *-р* и *-й*. Большая часть значений, которые связаны с суффиксом *-ик*, также является типичной для суффикса *-чик*, т. е. ласкательность и уменьшительно-ласкательность.

3.1.1.2 Суффиксы *-к(а)*, *-к(о)*, *-ко* и *-ик(о)*

Суффикс *-к(а)* самый продуктивный и общеупотребительный суффикс в русском языке. С его помощью образуются существительные с суффиксами субъективной оценки от существительных женского рода. Интересно заметить, что экспрессивные суффиксы связаны преимущественно с существительными женского и среднего рода, но среди мужского рода формы субъективной оценки не часты. Суффикс *-к(а)* передаёт слову обычно уменьшительно-ласкательное значение (*головка*, *ножка*, *ручка*, когда говорят о голове и ручке ребёнка), иногда только

уменьшительное (*картинка, комнатка*), ласкательное (*свадебка, ночка*) или уничижительное (*идейка, теорийка*) значения. Суффикс *-к(а)* безударен. С этим суффиксом образуются и несколько форм *pluralia tantum*, например *дети - детки*. (Братус 1969: 13-16; Виноградов 1972: 100, 121; РГ 1982: 210.)

Суффиксы *-к(о)* (преимущественно при односложной основе), *-ко* (при многосложной основе) и *-ик(о)* (присоединяясь к основам от слов на *-цо, -чо* и *-есо*) связаны с существительными среднего рода; например: *ушко, яблочко, плечико* и *колесико*. Эти суффиксы непродуктивны. (Виноградов 1972: 108; Братус 1969: 29-30.)

3.1.1.3 Суффиксы *-ец, -ц(о)/-ц(е)/-ец(о)/-иц(е)* и *-иц(а)*

Суффикс *-ец* присоединяется к основам существительных мужского рода первого склонения. Он придаёт слову значения уменьшительно-ласкательности или уменьшительно-уничижительности. (РГ 1982: 210; Братус 1969: 26.) Он передаёт ещё ярче, чем суффикс *-ик*, “оттенки ласкательности, сочувствия, смирения, уничижительности, презрения, фамильярного участия”. (Виноградов 1972: 100). Б.В. Братус даёт следующие примеры уменьшительно-ласкательного значения: *алмазец, братец, хлебец* и уничижительного значения: *заказец, капиталец*. По Братусу, суффикс *-ец* не очень продуктивен (1969: 26), но Виноградов и РГ считают его продуктивным.

Суффикс *-ц(о)* и его варианты *-ц(е), -ец(о)* и *-иц(е)* связаны с существительными среднего рода, и они продуктивны. Они часто передают значение уменьшительно-ласкательности, иногда уменьшительно-уничижительности, только ласкательности, уничижительности или уменьшительности. (Виноградов 1972: 108.) К этому типу примыкают образования *pluralia tantum* (*ворота - воротца*)

Суффикс *-ц(е)/-ц(о)* присоединяется к основам, которые оканчиваются на один согласный, но не заднеязычный и не *ц*, или

допускают вставку беглого *о* перед твёрдым конечным согласным, например, *зеркальце, словцо*. Суффикс *-ец(о)* связан с основами слов, которые имеют ударение на окончании и содержат перед окончанием два или более согласных, из которых один мягкий, например, *письмецо*. Суффикс *-иц(е)* присоединяется к основам слов, которые оканчиваются на *-ье* или на группу согласных перед *-о* и имеют ударение на основе, например: *креслице, здоровьице*. (Виноградов 1972: 108.)

Суффикс *-иц(а)* присоединяется к основам существительных женского рода согласно РГ (1982: 211), и он передаёт те же значения, как в предыдущем типе, и он продуктивен в разговорной, газетно-публицистической и художественной речи. Согласно Братусу (1969, 28), этот суффикс передаёт преимущественно уменьшительное значение, и он непродуктивен. Например: *сестрица, землица*. К этому типу примыкают образования *pluralia tantum* (*сени - сенцы*).

Согласно РГ, суффикс *-ц(а)* - вариант суффикса *-иц(а)*, но Виноградов и Братус рассматривают их как отдельные суффиксы. Суффикс *-ц(а)* непродуктивен и он присоединяется к основам на мягкий согласный и к словам на *-от(а)*, например *пыль - пыльца, дверь - дверца, краснота - краснотца*. По Виноградову (1972: 121), этот суффикс передаёт значение уменьшительности, но Братус (1969: 30) считает, что он употребляется в разговорно-бытовой речи и передаёт оттенок уничижительности.

3.1.1.4 Суффиксы *-инк(а)*, *-ыш*, *-ет(а)/-етт(а)* и *-етк(а)/-этк(а)*

Посредством суффикса *-инк(а)* образуются существительные субъективной оценки женского рода от существительных, которые исконно женские или мужские. По Братусу, суффикс *-инк(а)* продуктивен, например, *тропинка*. Он может также выражать значение “один из группы”, например: *пылинка, снежинка*. (Братус 1969: 28.)

Братус (1969: 29) рассматривает ещё один суффикс первой

степени оценки - суффикс *-ыш*, с помощью которого образуются существительные субъективной оценки от прилагательных и причастий. Многие из этих существительных субъективной оценки означают детей, например *глупый* - *глупыш*, *малый* - *малыш*. Этот суффикс непродуктивен.

В книге РГ (1982: 215) представлены ещё суффиксы *-ет(а)*, *-етт(а)*, *-етк(а)* и *-этк(а)*, которые связаны с существительными женского рода, они передают значение уменьшительности, например, в следующих словах: *сигара* - *сигарета*, *симфония* - *симфониетта*, *вагон* - *вагонетка*, *статуя* - *статуэтка*. В словах, образованных посредством этих суффиксов, ударение на суффиксе. Эти суффиксы непродуктивны.

3.1.2 Суффиксы второй степени субъективной оценки

По Виноградову (1972: 99), суффиксы второй степени субъективной оценки придают слову не уменьшительное значение, а ярко эмоциональное - ласкательное или пренебрежительное. Зато, согласно Братусу (1969: 9), существительные с суффиксами субъективной оценки второй степени редко имеют уничижительное значение.

3.1.2.1 Суффиксы *-очек/-ёчек*, *-очк(а)/-ечк(а)* и *-ечк(о)*

Суффикс *-очек/-ёчек* связан с существительными мужского рода и он присоединяется к основе слова, которая уже имеет суффикс первой степени субъективной оценки, т. е. *-ок/-ёк*. Например, слово *сыночек* образовалось от слова *сын*, исходное слово - *сын*. Этот суффикс придаёт слову ласкательное значение, например: *голосочек*, *чаёчек*. (Братус 1969: 38-39; Виноградов 1972: 100.) По Братусу, этот суффикс малопродуктивен.

Суффикс *-очк(а)/-ечк(а)* сочетается с существительными

женского рода, и он продуктивен. Он вообще передаёт значение уменьшительно-ласкательности или только ласкательности, особенно, когда говорят детям. Форма *-ечк(а)* употребляется после *ш*, *ж* и мягких согласных. Например: *ямочка, книжечка*. (Братус 1969: 36; Виноградов 1972: 121.)

С суффиксом *-ечк(о)* образуются существительные с субъективно-оценочным значением от существительных среднего рода, которые имеют оттенок ласкательности, например: *слово - словечко*. Он соотносительен с суффиксом *-ц(о)/-ц(е)*. Присоединяясь к основам слов на *-ц(е)*, которые утратили значение уменьшительности, этот суффикс образует новые формы этих слов с уменьшительным и ласкательным значением, например: *крылечко, колечко*. (Виноградов 1972: 109.)

3.1.2.2 Суффиксы *-ышек, -ышк(о), -ушк(о)/-юшк(о)* и *-ушк(а)/-юшк(а)*

Непродуктивный суффикс *-ышек* связан с существительными мужского рода, при помощи его образуются только некоторые существительные субъективной оценки, например: *воробей - воробышек, кол - колышек* (Братус 1969: 33; Виноградов 1972: 100). Малопродуктивный суффикс *-ышк(о)* и непродуктивный суффикс *-юшк(о)* (вымирающий вариант *-ушко* от слов мужского рода, например, *хлебушко*), с помощью которых образуются существительные субъективной оценки от существительных среднего рода (от слов на *-ро, -ло, -ле* или на группу согласных *+о, +е*), передают очень резко экспрессивные оттенки, личные чувства говорящего к предмету. (Виноградов 1972: 108-109.) Согласно Братусу (1969: 32-33), эти суффиксы характерны народно-поэтической стилизации. Суффикс *-ышк(о)* ещё типичен для разговорно-бытовой речи.

Суффикс женского рода *-ушк(а)/-юшк(а)* передаёт различное значение, зависящее от ударения. Так, ударный, продуктивный суффикс *-ушк(а)/-юшк(а)* имеет оттенок фамильярной уничижительности, иронии

или снисходительного пренебрежения. Например: *Марфушка, толстушка*. Безударный, малопродуктивный суффикс *-ушк(а)/-юшк(а)* имеет ярко выраженное ласкательное значение. Например: *матушка, голубушка*. (Виноградов 1972: 121-122.)

3.1.2.3 Суффиксы *-ишк(о)*, *-ишк(а)*, и *-ошк(а)/-ёшк(а)*

Суффиксы *-ишк(о)* и *-ишк(а)* связаны с существительными мужского и среднего рода и они довольно продуктивны. Например: *городишко, домишко, письмишко, воришка*. Эти суффиксы передают презрительно-уничижительное или снисходительно-ироническое значение. (Братус 1969: 33-34.) Суффикс *-ишк(а)* также связан с существительными женского рода, он продуктивен, например: *работишка* (Виноградов 1972: 122).

Суффикс *-ошк(а)/-ёшк(а)* присоединяется к основе существительного женского рода, и он непродуктивен. Он очень резко выражает экспрессию презрения, например: *головёшка, рыбёшка*. (Виноградов 1972: 122.)

3.1.2.4 Суффиксы *-онок/-ёнок* и *-онк(а)/-ёнк(а)*

Существительные мужского рода с суффиксами *-онок/-ёнок* имеют уменьшительно-ласкательное или только ласкательное значение, например: *мальчик - мальчонок, дошкольник - дошколёнок*. Во множественном числе и в случаях *pluralia tantum* образуются существительные субъективной оценки с суффиксом *-ат(а)/-ят(а)*, например: *мальчата* (мн. ч.), *деньги - деньжата* (р.т.). (РГ 1982: 215.)

Братус (1969: 27) рассматривает названия детёнышей, являющихся существительными с суффиксами субъективной оценки, например, слова: *котёнок, тигрёнок*.

Суффикс *-онк(а)/-ёнк(а)* присоединяется к основам

существительных женского рода и иногда также мужского рода. Он вообще передаёт уменьшительно-уничижительное значение, например: *бабёнка, избёнка, мальчонка*, но нередко возможно и уменьшительно-ласкательное значение, например: *сестрёнка*. (РГ 1982: 214; Братус 1969: 35.) Этот суффикс употребляется также в случаях *pluralia tantum*, например: *зубёнки, пальчонки*.

3.1.2.5 Суффикс *-ньк(а)/-оньк(а)/-еньк(а)*

Продуктивный суффикс *-ньк(а)/-оньк(а)/-еньк(а)* связан с существительными женского и мужского рода и с существительными *pluralia tantum*. Он придаёт слову ласкательный оттенок. Он часто употребляется с собственными именами женского и мужского рода, например: *Наденька, Катенька, Васенька*. После мягких согласных и *ш* и *ж* присоединяется суффикс *-еньк(а)*. Когда основа слова оканчивается на твёрдые согласные *с* и *з* или губные, к ней присоединяется суффикс *-оньк(а)*, например, *березонька*. Примеры *pluralia tantum*: *волосоньки, зубоньки*. (Виноградов 1972: 122; Братус 1969: 30-31; РГ 1982: 214.)

3.1.2.6 Суффиксы *-ичк(а)* и *-ашк(а)/-яшк(а)*

Согласно РГ (1982: 211), эти суффиксы не очень продуктивны и они передают уменьшительно-ласкательное или просто уменьшительное значение. Между тем, как Братус считает суффикс *-ичк(а)* продуктивен, например, *сестричка*. По его мнению, суффикс *-ашк(а)* придаёт к слову оттенок презрения, иногда ласкательности, например, *дурашка, коняшка*.

3.1.3 Суффиксы третьей степени субъективной оценки

В суффиксах третьей степени субъективной оценки очень сильно выражаются эмоциональность и экспрессивность, и значения, которые они придают слову, далеки от значения уменьшительности. Эти суффиксы вообще не передают отрицательные оттенки эмоций. Рассмотрим суффиксы третьей степени субъективной оценки подробнее.

3.1.3.1 Суффиксы *-оночек*/*-ёночек* и *-оночк(а)*/*-ёночк(а)*

Эти суффиксы продуктивны и они связаны с оттенком фамильярной усиленной ласкательности. С этими суффиксами третьей степени образуются существительные субъективной оценки от существительных, уже имеющих суффикс *-онок*/*-ёнок* или *онк(а)*/*-ёнк(а)*, которые являются суффиксами второй степени, например: *внучоночек* (< *внучонок* < *внучек* < *внук*), *бабёночка* (< *бабёнка* < *бабка* < *баба*), *девчоночка*. (Братус 1969: 39; Виноградов 1972: 122.)

3.1.3.2 Суффиксы *-ишечк(а)*, *-ишечк(о)* и *-ушечк(а)*/*-юшечк(а)*

С этими суффиксами, которые непродуктивны, образуются существительные с субъективно-оценочным значением от существительных с суффиксами второй степени субъективной оценки *-ишк(а)*, *-ишк(о)* и *-ушк(а)*/*-юшк(а)*, например: *братишечка*, *домишечко*, *девушечка*. При сопоставлении с суффиксами второй степени, которые могут передавать значение уничижительности, эти суффиксы третьей степени придают значение сильной ласкательности, ср. *домишко* и *домишечко*. (Братус 1969: 40.)

3.1.3.3 Суффиксы *-иночк(а)*, *-урочк(а)* и *-уленьк(а)*

С суффиксом *-иночк(а)* образуются существительные субъективной оценки от существительных, содержащих суффикс *-инк(а)*, который, по Братусу (1969: 40), является суффиксом первой степени субъективной оценки.

С суффиксами *-урочк(а)* и *-уленьк(а)* образуются существительные субъективной оценки от существительных, которые имеют суффиксы *-урк(а)* и *-уля*. Согласно Братусу (1969: 41), они непродуктивны и это суффиксы первой степени субъективной оценки.

3.2 Суффиксы субъективной оценки у существительных в немецком языке

В немецком языке существует также система специальных суффиксов субъективной оценки, как и в русском языке, но количество этих суффиксов очень маленькое. Второе различие между этими языками заключается в том, что в русском языке существуют и увеличительные суффиксы, но в немецком языке их нет. В нём используются некоторые отдельные префиксы (*Un-zahl*, *Erz-gauner*), иноязычные конфиксы, но больше всего образуются увеличительные существительные посредством сложения (*Riesen-freude*, *-skandal*, *Riesen* 'очень большой'). В данной работе рассматриваются только "уменьшительные" суффиксы у существительных. Далее рассматриваются суффиксы субъективной оценки в немецком языке, их использование и ограничения в образовании субъективно-оценочных существительных. Значения, которые суффиксы субъективной оценки передают в немецком языке, соответствуют значениям русского языка, во многом это зависит от контекста. (Fleischer и Barz 1992:100, 181; Würstle 1992: 142-143.)

3.2.1 Суффиксы *-chen* и *-lein*

Самыми важными суффиксами субъективной оценки, с помощью которых образуются субъективно-оценочные существительные в немецком языке, являются суффиксы *-chen* и *-lein*. При помощи суффиксов субъективной оценки образуются в немецком языке, кроме иноязычных суффиксов и суффиксов *-ling* и *-i*, всегда существительные среднего рода (*das Freundchen* < *der Freund*). От многих слов *pluralia tantum* тоже возможно образовать субъективно-оценочные формы (*Geschwisterchen* < *Geschwister*, *Leutchen* < *Leute*). В употреблении между суффиксами *-chen* и *-lein* существует несколько различий, связанных с фонологией, географией и жанром текста. (Fleischer и Barz 1992: 178-179.)

Суффиксы субъективной оценки нельзя присоединять произвольно ко всем основам существительных. Когда существительное оканчивается на *-l(e)*, используется всегда суффикс *-chen* (*Spiel* > *Spielchen*). К основам существительных, оканчивающихся на *-ch*, *-g* и *-ng*, присоединяется суффикс *-lein* (*Tuch* > *Tüchlein*, *Ring* > *Ringlein*). Суффикс *-chen* можно связать и с окончанием на *-sch* (*Flasche* > *Fläschchen*, но однако *Mensch* > *Menschlein*). Существительные, оканчивающиеся на *-el*, можно использовать с обоими суффиксами субъективной оценки. Перед суффиксом *-lein* выпадает безударная (беглая) гласная основы *-e* (*Engel* > *Englein* - *Engelchen*). У существительных на *-e* и *-en* опадают их окончания. (*Kiste* > *Kistchen*, *Auge* > *Äuglein*, *Wagen* > *Wäglein*). Когда образуются существительные субъективной оценки с суффиксом *-lein*, происходит всегда чередование гласных *o, a, u, au* > *ö, ä, ü, äü* в основе (Umlaut), а с суффиксом *-chen* чередование не всегда обязательно, например, в собственных именах и нарицательных именах, обозначающих лица (*Kurtchen*, *Muttchen* < *Mutter*). В иноязычных существительных перед суффиксом *-chen* изменяется гласный (*Histörchen*, *Romänchen*). (Fleischer и Barz 1992: 179.)

В немецком литературном языке суффикс *-chen* является наиболее употребительным суффиксом. Суффикс *-lein* употребляется особенно в языковой области Верхней Германии (Oberdeutscher Sprachgebrauch) и в ее

диалектах существует много вариантов субъективно-оценочного суффикса *-l-*, например *-erl, -li, la* (*Messerle, Raderl, Blättli*). Также писатели Верхней Германии используют суффикс *-lein* для образования существительных субъективной оценки. Согласно Флайшеру и Барцу (Fleischer и Barz 1992:180), соотношение частотности между суффиксами *-chen* и *-lein* в разных жанрах текста - 4 : 1. Суффикс *-lein* часто выступает в сказках и в поэзии, даже чаще чем *-chen*. У суффикса субъективной оценки *-chen* существуют варианты *-el-chen* и *-er-chen* (*Vög-elchen, Büch-elchen, Ding-elchen*) (Fleischer и Barz 1992:180; Stepanowa и Fleischer 1985: 120; Erben 1993, 83-84.)

Семантические различия между суффиксами *-chen* и *-lein* возникают тогда, когда посредством их обоих образуются субъективно-оценочные формы от одного и того же существительного, например, *Männ-chen* и *Weib-chen* указывают на животных, а *Männ-lein* и *Weib-lein* только на человека. (Fleischer и Barz 1992: 180; Stepanowa и Fleischer 1985: 120.)

3.2.2 Другие суффиксы субъективной оценки

Другие суффиксы субъективной оценки употребляются довольно редко в немецком литературном языке. Суффикс *-el*, который считается вариантом суффикса *-lein*, выступает только в некоторых словах (*Bünd-el, Büsch-el*) и в композициях (*Heinz-el-männchen*, от собственного имени *Heinz*). Суффикс *-le* (тоже вариант суффикса *-lein*) встречается от случая к случаю для поддержания экспрессивности, в отдельных верхне-немецких образованиях в прессе и художественной литературе (*Häus-le, Länd-le*) (Fleischer и Barz 1992: 181.)

Суффикс субъективной оценки *-ling* не продуктивен сегодня, но используется иногда в нарицательных именах существительных, обозначающих лицо (*Schreiber-ling* < *Schreiber* 'писатель'). Этот суффикс передаёт слову всегда уничижительное значение. (Wellmann 1975: 125-126.)

Суффикс *-i* продуктивен в образовании ласкательных имён (*Fritz-*

i), имён существительных нарицательных (*Schatz-i*) и среди существительных, обозначающих разные группы людей. С образованием существительных субъективной оценки посредством суффикса *-i* часто связано сокращение исходного слова (*Mutter* > *Mutti*, *Rudolf* > *Rudi*, *Westdeutsche(r)* > *Wessi*). (Duden 1995: 490.)

В немецком языке существуют и некоторые иноязычные суффиксы, которые имеют частично субъективно-оценочное значение. Они связаны с иноязычными существительными, которые всегда женского рода : суффикс *-ine* (*Sonate* > *Sonat-ine*, *Viola* > *Viol-ine*), *-ette* (*Oper* > *Oper-ette*, *Zigarre* > *Zigar-ette*), отдельно и суффикс *-it* (*Meteor-it*). По Флайшеру и Барцу (Fleischer и Barz 1992: 181), также в словах, оканчивающихся на *-elle*, можно опознать уменьшительное значение (*Novelle* 'маленький рассказ'). Согласно грамматике "Дуден" (Duden 1995: 490), также образования с префиксом *-Mini* и определяющим членом *Liliput-* входят в уменьшительные существительные, но с ними вообще не связана эмоциональность как с вышеупомянутыми суффиксами (*Minibus*, *Liliputformat*).

В немецком языке, как и в русском, говорящий может выражать уменьшительность и разные положительные или отрицательные эмоции с помощью суффиксов субъективной оценки. Например, с субъективно-оценочными существительными *Küßchen* (< *Kuß* 'поцелуй') и *Kätzchen* (< *Katze* 'кошка') связана эмоционально-положительная окраска, а с существительными *Muttersöhnchen* (< *Muttersohn* 'маменький сынок') и *Freundchen* (< *Freund* 'друг') уничижительная окраска. Значения существительных субъективной оценки зависят, однако, вообще от контекста. (Fleischer и Barz 1992: 181; Stepanowa и Fleischer 1985: 121.)

В обоих языках суффикс субъективной оценки (в немецком языке *-chen*) может играть специальную роль, связанную с вещественным существительным. Он может выражать значение "один из группы": *Stäubchen* (< *Staub*) и соответственно в русском языке *пылинка* (< *пыль*). В обоих языках часть существительных с суффиксами субъективной оценки лексикализована, в немецком языке некоторые названия растений (*Veilchen*

'фиалка') и названия животных (*Eichhörnchen* 'белка'). Тоже во фразеологических оборотах могут выступать существительные субъективной оценки. (*aus dem Häuschen sein*). (Fleischer и Barz 1992: 182; Stepanowa и Fleischer 1985: 121.)

4 СУФФИКСЫ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ У СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ПОВЕСТИ “ДРУГАЯ ЖИЗНЬ” И ИХ ПЕРЕВОДЫ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

В этой главе мы рассматриваем те существительные с суффиксами субъективной оценки, которые встречаются в повести “Другая жизнь” и их переводы на немецком языке. Мы анализируем, какие значения и оттенки субъективно-оценочные суффиксы передают существительным. Мы делим субъективно-оценочные существительные на три большие группы по их значению в контексте, т. е. употребляются ли субъективно-оценочные существительные в положительном, отрицательном или уменьшительном значении. Иногда субъективно-оценочные существительные имеют довольно нейтральное значение в тексте, и они являются точнее разговорными формами, чем субъективно-оценочными. В пределах данного исследования мы не анализируем их. Мы также не анализируем собственные имена, от которых образованы субъективно-оценочные формы в повести.

Мы рассматриваем также переводы субъективно-оценочных форм на немецкий язык. Нас интересует, употребляются ли субъективно-

оценочные суффиксы и в переводе, а если они не употребляются, как субъективно-оценочные существительные переведены.

Сначала рассматриваются существительные с суффиксами первой степени субъективной оценки, а затем существительные с суффиксами второй степени субъективной оценки. Суффиксов третьей степени не встречается в тексте.

4.1 Суффикс *-ок/-ёк/-ек*

Существительные с продуктивным суффиксом *-ок/-ёк/-ек* употребляются чаще всего из всех субъективно-оценочных суффиксов в повести “Другая жизнь” (см. таблицу 5, с. 85). Чаще всего этот суффикс выступает в отрицательном значении, но используется также в положительном и уменьшительном значениях (См. таблицу 1).

ТАБЛИЦА 1 Частотность существительных с субъективно-оценочным суффиксом *-ок/-ёк/-ек* по их значению в контексте.

Значение	Число	%
Положительная оценка	8	18
Отрицательная оценка	20	46
Уменьшительное значение	16	36
Всего	44	100

4.1.1 Положительная оценка

В следующих шести примерах существительные с суффиксами субъективной оценки используются, по нашему мнению, в положительной

функции. В примере (1) рассказывается, что у отчима героини, Ольги Васильевны, очень эмоциональное отношение к своей работе. Он любит свою работу. С неодушевленным существительным *МОЛОТОК* связан субъективно-оценочный суффикс *-ек*, который передает положительный оттенок основному слову в этом контексте. Положительные эмоции подчеркивают тоже другие слова высказывания: в первую очередь, глагол *любить*, а также субъективно-оценочные формы наречия *ПОТИХОНЬКУ* и существительного *ГВОЗДИК*.

С субъективно-оценочным существительным *МОЛОТОЧЕК* употреблено прилагательное *МАЛЕНЬКИЙ*, которое придает выражению тоже значение уменьшительности.

- (1) Много работать запрещали врачи. Но он все равно любил уходить с утра в мастерскую, и если не писал и не рисовал, то потихоньку возился с картинами, маленьким *МОЛОТОЧКОМ* вбивал в багеты гвоздики, укрепляя картон, перебирал листы, кое-что поправлял, не напрягая зрения, или же приглашал какого-нибудь приятеля со второго или первого этажа, они согревали чай на плитке, обсуждали дела, вспоминали прошлое и одновременно рассматривали репродукции, богатейшую коллекцию Георгия Максимовича, разложенную по громадным папкам. (Дж, 84)

Viel zu arbeiten hatten ihm die Ärzte verboten. Doch er ließ es sich nicht nehmen, jeden Morgen in sein Atelier zu gehen, und wenn er nicht malte oder zeichnete, dann machte er sich sonst an seinen Bildern zu schaffen, schlug mit *kleinen Hämmern* kleine Nägel in die Leisten, blätterte Blätter um, korrigierte die eine oder andere Kleinigkeit, ohne sein Augenlicht zu strapazieren. Oder er lud einen guten Bekannten aus dem Obergeschoß zu sich ein, sie kochten Tee auf der Kochplatte, sprachen über Geschäftliches, tauschten Erinnerungen aus, schauten sich Reproduktionen an. Georgij Maximowitsch besaß eine reiche Sammlung, die auf riesengroße Kunstmappen verteilt war. (DaL, 109)

В переводе в немецком языке используются прилагательное *kleine*, которое использовано и в русском тексте, и существительное *Hammer* во множественном числе. От этого существительного мужского рода было бы тоже возможно образовать субъективно-оценочную форму *Hämmerchen* (Umlaut *a > ä*), которая, по нашему мнению, была бы более выразительной в этой ситуации, потому что в русском тексте тоже употребляется прилагательное *маленький*. В переводе также не используется наречие *ПОТИХОНЬКУ*.

В примере (2), в свою очередь, описывается, каким замечательным был день, когда героиня Ольга Васильевна и ее муж Сережа искали одного старого мужчину в селе Городец. С этой поездкой связаны приятные воспоминания. Город был красивым, деревенским. Атмосфера там была хорошая и уютная. Было приятно бродить вместе по городу. С помощью субъективно-оценочного существительного *городок* передается эта положительная и приятная атмосфера читателю.

- (2) Мужчины шутили. Он благодушествовал. Был замечательный сине-золотой день. Они бродили по *городку*, который местами напоминал деревню, заходили в дома, разговаривали в палисадниках, где пахло яблоками. (Дж, 110)

Die Männer tauschten Scherze aus. Er war bester Laune. Es war ein herrlicher blaugoldener Tag. Sie streiften durch das *Städtchen*, das stellenweise einem Dorf glich, gingen in Häuser, unterhielten sich in Vorgärten, wo es nach Äpfeln roch. (DaL, 145)

В немецком переводе тоже употребляется существительное с суффиксом субъективной оценки *Städtchen* (*Stadt* > *Städtchen*), с помощью которого выражается положительная оценка героини. Конечно возможно, что с этой положительной коннотацией тоже связано значение уменьшительности, но по нашему мнению, это не главное значение.

Между тем в примере (3) субъективно-оценочное существительное *старичок* употребляется в ласкательном значении.

- (3) Ольга Васильевна увидела его согбенную спину, опавшие плечи и седину в поредевших волосах. Вдруг показалось, что стоит *старичок*. - Мой *старичок*... - сказала она тихо, подойдя к нему и обняв. (Дж, 150)

Olga Wassiljewna sah seinen gebeugten Rücken, die schlaffen Schultern, das Grau im gelichteten Haar. Plötzlich war ihr, als dort ein *alter Mann*. "*Mein kleiner Greis*...", sagte sie leise, trat auf ihn zu und umarmte ihn. (DaL, 199)

В немецком переводе использована не субъективно-оценочная форма, а аналитическая структура - существительное с прилагательным. В первом случае употребляется прилагательное *alt* ('старый') и существительное *Mann* ('мужчина'), и во втором случае прилагательное *klein* ('маленький') и существительное *Greis* ('старик'). По нашему мнению, употребление

прилагательного *klein* ('маленький') в этом случае не очень удачно, потому что здесь вопрос не в уменьшительности, а в ласковых чувствах жены, даже жалости к своему мужу. В первом случае выражение 'ein alter Mann' является нейтральным по значению.

Опять-таки, в следующем примере (4) суффикс *-ёк* передает значение вежливости.

- (4) Его нежелание идти к родственникам показалось ей чрезвычайно обидным. Те делали благородный жест - у кого бы он занял такую сумму? У дружков-приятелей? чертва с два! - а от него требовали минимум внимания; посидеть, выпить *чайку*, поговорить со стариками. (Дж, 85)

Seine Unlust zu den Verwandten zu gehen, erschien ihr kränkend. Die Verwandten legten eine edle Geste an den Tag - bei wem sonst hätte er eine solche Summe leihen können? Etwa bei seinen Spezis und Kumpels? Da konnte er lange warten!-, und vom ihm verlangte man ein Mindestmaß an Aufmerksamkeit: eine Weile dasitzen, Tee trinken, ein wenig mit den alten leuten plauschen. (DaL, 111)

Родители Ольги Васильевны обещали дать взаймы деньги ее мужу Сереже, но ему не хотелось пойти к тестю и поблагодарить его. Как в тексте также сказано: "От него требовали минимум внимания". Было бы хорошо "выпить *чайку*" с ними. На немецкий язык субъективно-оценочная форма переведена существительным в основной форме *Tee*.

Зато, в примере (5) описывается, как легко и безболезненно произошло расставание Ольги Васильевны и ее бывшего друга.

- (5) Расправиться с Гендлиным не составляло труда, он сам отпал тихо, как отпадает лист от осеннего *ветерка*, но она, однако же, говорила гордо и в поучение... (Дж, 30)

Sich Gendlins zu entledigen, bereitete keine Mühe, er fiel ganz leise ab wie das Herbstblatt vom Baum, sie aber sprach stolz dozierend... (DaL, 38)

Хотя речь идет о расставании, по нашему мнению, оттенок в этом высказывании все же положительный. Субъективно-оценочный суффикс *-ок* передает слову *ветер* значение легкости, т. е. расставание было легким, без проблем.

Переводчик употребляет другую структуру на немецком языке: *er*

fiel ganz leise ab wie das Herbstblatt vom Baum ('он отпал совершенно тихо, как отпадает осенний лист от дерева'), но по нашему мнению, значение хорошо выражено.

Как показывали предыдущие примеры, субъективно-оценочным суффиксом *-ок/-ёк/-ек* выражаются разные положительные оттенки. Они могут передавать положительные чувства человека к своей работе, ласкательность или вежливость к другому человеку, приятные воспоминания или легкость какого-либо дела.

4.1.2 Отрицательная оценка

Чаще всего существительные с субъективно-оценочным суффиксом *-ок/-ёк/-ек* употребляются в отрицательной функции, всего 21 раз (см. таблицу 1, ст. 39). Рассматриваем, какие примеры встречаются в повести.

В примере (6) субъективно-оценочное существительное *кренделёк* связано с отрицательной коннотацией:

- (6) Свекровь могла сказать: "Помнится, вы такие *крендельки* раньше не покупали. Где это вы брали, на Кировской?" Одна фраза вмиг уничтожала всю жалость, копившуюся по крупяцам. Значило: его *крендельками* не баловали, а нынче, для себя, стали покупать. (Дж, 9)

Die Schwiegermutter fand nichts dabei zu sagen: "Wenn ich mich recht entsinne, haben Sie solche *Brezeln* früher nicht gekauft. Wo haben Sie die aufgetrieben, in der Kirowstrasse?" Ein einziger Satz vernichtete auf einen Schlag das ganze körnchenweise angesammelte Mitleid. Er bedeutete: für ihn waren *Brezeln* zu schade, jetzt werden sie für den Eigenbedarf gekauft. (DaL, 9)

В примере (6) становится отрицательный и осуждающий оттенок свекровью Ольги Васильевны ясным, когда автор употребляет субъективно-оценочный суффикс *-ёк*. В то же время в немецком переводе используется основная форма от существительного *Brezel* ('крендель'). Отрицательная коннотация все же ясна через контекст.

Субъективно-оценочный суффикс *-ек* связан только с существительным *человек*, которое выступает в повести лишь в

отрицательной функции. Во всех пяти случаях форма *человечек* имеет уничижительное значение. Следующий пример (7) - один из этих случаев.

- (7) Был еще смешной *человечек*, пожилой, с оливковым лицом, тоже из гостей Порфирия, который ухаживал одновременно за Ритой и Ольгой, где выгорит, был деликатен, услужлив, ходил поутру на базар и приносил зелень... (Дж, 24)

Außerdem gab es noch so ein komisches *Menschlein*, schon recht betagt, mit olivgrünem Gesicht, auch er ein Gast von Porfirij, der gleichzeitig Rita und Olga den Hof machte, wie es gerade kam, wohlherzogen und dienstfertig, der ging jeden Morgen auf den Basar, kaufte Grünzeug... (DaL, 30)

Уничижение человека подчеркивается также прилагательное *смешной*. В других случаях употребляются, например, прилагательные *жалкий* и *неблагодарный* со словом *человечек*.

В переводе также употребляется существительное *Mensch* ('человек') с суффиксом субъективной оценки *-lein* и прилагательное *komisch*. Таким образом перевод удачен и то же значение уничижительности передается в переводе, как в оригинале.

В примере (8) говорит один мужчина, Климук, дерзко старшей женщине:

- (8) - Мне ни к чему, милый человек, только я вам не позволяла меня тетей Пашей звать... - Правильно, руби меня сплеча! Все не важно и не имеет значения это, тетя Паша, и плесни, пожалуйста, еще *чайку*. (Дж, 80-81)

“Mich geht’s nichts an, lieber Mann, aber das hab ich Ihnen nicht verstattet, daß sie mich Tante Pascha anreden...” “Recht so, schlag zu! Alles beibt sich gleich und ist egal, nichts hat Bedeutung, außer der historischen Zweckmäßigkeit. Merk dir das, Tante Pascha, und schenk mir bitte noch *ein wenig Tee* ein. (DaL, 104)

Как видно, контекст играет очень большую роль в определении значения субъективно-оценочного существительного. Когда в примере (4) субъективно-оценочную форму *чаёк* употребили для выражения вежливости, здесь она употребляется, чтобы выразить дерзость говорящего.

В переводе употребляется основная форма *Tee* и наречие *ein wenig* ('чуть-чуть'), через которых не передается дерзость, как в оригинальном

тексте. Но от этого вещественного существительного *Tee* не возможно образовать субъективно-оценочную форму в немецком языке.

В следующем примере (9) используется субъективно-оценочная форма *сынок* для выражения раздражения Ольги Васильевны по отношению к своему мужу:

- (9) То, что рассказал Сережа, Ольгу Васильевну сразило. И еще раздосадовали фраза и истинный испуг в голосе: “Только матери не говори!” Она сказала, что это глупая фраза и вообще не об этом надо теперь заботиться о деле, о том, чтобы выплыть, а не о всякой домашней чепухе. Конечно, она выставила свою досаду совершенно напрасно. Ну что с того, что он примерный *сынок*? Впрочем, он был вовсе не примерный *сынок*, она-то знала и потому еще сильнее раздражалась, когда он вдруг настаивал на том, что он примерный *сынок*. Все это нужно было крикнуть про себя и прикусить язык до боли. (Дж, 98)

Als Olga Wassiljewna jetzt Serjoshas Bericht hörte, war sie wie geschlagen. Und dann noch der Satz: “Aber sag der Mutter nichts!” und das unverhohlene Erschrecken in seiner Stimme. Sie sagte, das sei ein dummer Satz, überhaupt müsse man sich jetzt um andere Dinge sorgen. Er fragte: warum? Man muß sich um das Wesentliche sorgen, darüber, wie er sich jetzt freischwimmt, und dann um den häuslichen Kram. Natürlich hätte sie ihre Gekränktheit nicht hervorkehren sollen, was war schon daran, daß er ein *Mustersohn* war? Übrigens war er gar nicht mal so *musterhaft*, sie wußte das und war erst recht gereizt, wenn er plötzlich darauf bestand, ein *Mustersöhnchen* zu sein. Das alles hätte sie stumm herausschreien und sich dabei in die Zunge beißen müssen. (DaL, 128)

В немецком переводе употребляется в первый раз существительное в основной форме *Mustersohn*. В немецком языке *примерный сынок* выражается сложным словом. Во второй раз используется только прилагательное *musterhaft*, и в третий раз субъективно-оценочная форма *Mustersöhnchen* (*Sohn* > *Söhn-chen*), посредством которой передается хорошо отрицательное отношение жены к мужу.

По сравнению с предыдущим случаем (9), в примере (10) субъективно-оценочным существительным *старичок* выражается не раздражение, а чувства отвращения и страха, которые у Ольги Васильевны были к старику, которого она и его муж встретили (ср. пример (3)). В тексте и сказано, что ей старик не нравился:

- (10) *Старичок* в черных валенках ходил по саду бесшумно, даже листьями не

шуршал и все улыбался: - Бабыя лета нынче удалась... Ольге Васильевне *старичок* не нравился. Она думала с беспокойством: "Боже мой, но почему же удалась?" В том золотом дне, в глушине сада, в беспамятности *старичка* была тревога, она ощущала отчетливо, только не могла понять: откуда и почему? (Дж, 117)

Der *alte Mann* in den schwarzen Filzstiefeln ging lautlos durch den Garten, raschelte nicht einmal mit den Blättern und lächelte: Der Weibersommer ist gelungen..." Olga Wassiljewna mißfiel der *Mann*. Sie war unruhig. In diesem goldenen Tag, in der Üppigkeit des Gartens, in der Gedächtnislosigkeit des *alten Mannes* war etwas Bedrohliches, sie spürte es deutlich, begriff aber nicht: woher und warum? (DaL, 154)

В переводе употребляются выражения *alte Mann* ('старик' или 'старый мужчина') и просто *Mann*. По нашему мнению, употребление субъективно-оценочной формы *Männlein*, выразило бы лучше отрицательные эмоции.

В следующем примере (11), вместо того, описывается неприятная внешность мужчины. С субъективно-оценочным существительным *глазки* связано еще прилагательное *свиной*, которое усиливает неприятность внешности.

- (11) Перед воротами на скамейке сидели четверо мужчин и одна женщина. Среди мужчин был один громадный, рыхлый, с большим вздутым лбом и свиными *глазками*, с тем выражением добродушной тупости на лице, какое бывает у больных болезнью Дауна. (Дж, 153-155)

Vor dem Tor saßen auf einer Bank vier Männer und eine Frau. Einer der Männer war riesengroß und schlaff, hatte eine breite aufgedunsene Stirn und *Schweinsäuglein*, auf seinem Gesicht lag der Ausdruck des gutmütigen Stumpfsinns, wie ihn Mongoloide haben. (DaL, 204)

Переводчик тоже использует субъективно-оценочное образование от существительного *Auge* (*Äug-lein*). В немецком языке употребляется сложное слово *Schweinsäuglein*, которое состоит из двух существительных. Здесь перевод очень удачен, и та же оценка неприятности выражена в нем, как и в оригинальном тексте.

Таким образом, можно заметить, как многообразные оттенки может содержаться в группе отрицательной оценки. Как примеры показывают, с помощью субъективно-оценочного суффикса *-ок/-ёк/-ек* можно выразить, в частности, уничижительность, пренебрежение, дерзость, раздражение, отвращение и осуждающее отношение человека к

какому-либо другому.

4.1.3 Уменьшительное значение

Суффикс *-ок/-ёк/-ек* довольно часто употребляется и в уменьшительном значении, всего 16 разов (См. таблицу 1, с. 39). Иногда с ним связана тоже положительная или отрицательная окраска. Рассмотрим несколько случаев.

По нашему мнению, в следующем примере (12) главным значением образования *лесок* является уменьшительность, но с ней сочетаются также положительные чувства героини, когда она вспоминает дорогу на дачу:

(12) ...потом сворачивали к дубовому *леску*, дачники рассеивались, и когда, миновав *лесок*...(Дж, 73)

... bogen dann zum *Eichenwäldchen* ab, die Sommerfrischler zerstreuten sich, und wenn sie das *Wäldchen* durchquert hatten... (DaL, 95)

Также в немецком переводе употребляются субъективно-оценочные формы *Wäldchen* (*Wald* > *Wäld-chen*) и *Eichenwäldchen* ('дубовый лесок'), через которые передается хорошо значение уменьшительности.

В примерах (13) и (14), по нашему мнению, суффикс *-ок* ясно передает значение уменьшительности. Рассмотрим примеры:

(14) К концу дня нашли старика, очень румяного, крепкого на вид, ходившего мелкими-мелкими медленными *шажками* в черных валенках: в прошлом году случился удар, думал, что помирает, но выжил. (Дж, 110)

Gegen Ende des Tages fanden sie einen Greis, nach Statur und Gesichtsfarbe noch recht rüstig, der sich in seinen schwarzen Filzstiefeln mit ganz, ganz *kleinen Schritten* fortbewegte: letztes Jahr hatte ihn der Schlag getroffen, er dachte schon, er stirbt, dann blieb er aber leben. Der Alte sagte, mit seinem schönen weißzahnigen Mund lächelnd: "Der Weibersommer ist gelungen..." (DaL, 145)

Прилагательное *мелкий* усиливает еще значение уменьшительности. В немецком переводе употребляются наречие *ganz* ('совсем'), прилагательное

klein ('маленький') и существительное *Schritt* ('шаг'), которыми хорошо выражается уменьшительность.

В следующем случае, по нашему мнению, *пузырёк* должен быть маленьким, если он был в кармане:

- (15) Потом Влад повел ее осторожно в сторону - это было в тот момент, когда заиграла музыка, - и, отведя к стене, достал из кармана *пузырёк* с лекарством, стаканчик и дал ей выпить. Она сказала, глядя в его старое рябое лицо... (Дж, 138)

Dann führte Wlad sie beiseite, genau in dem Moment, als die Musik begann, führte sie zur Wand, holte aus der Hosentasche ein *Fläschchen* mit einer Arznei, dazu ein kleines Glas und gab ihr davon zu trinken. Sie sagte, in sein altes pockennarbiges Gesicht blickend... (DaL, 182)

На немецкий язык *пузырёк* тоже переведен субъективно-оценочным образованием *Fläschchen* (*Flasche* > *Fläsch-chen*), и это хорошее решение. Таким образом, тоже в немецком языке передается ясно представление, что *пузырёк* был маленьким.

4.2 Суффиксы -ик и -чик

Рассмотрим сначала отдельно суффиксы -ик и -чик, а именно то, в каких значениях они употребляются в повести "Другая жизнь"

ТАБЛИЦА 2 Частотность существительных с субъективно-оценочными суффиксами -ик и -чик по их значению в контексте.

Значение	Число		%	
	-ик	-чик	-ик	-чик
Суффикс	-ик	-чик	-ик	-чик
Положительная оценка	5	-	14	0
Отрицательная оценка	7	11	20	65
Уменьшительное значение	23	6	66	35
Всего	35	17	100	100

Суффикс *-ик* часто встречается в материале, всего 35 раз. Этот суффикс употребляется больше всего в уменьшительном значении, между тем как, суффикс *-чик* выступает чаще всего в отрицательной функции. Меньше всего они использованы в положительной функции (См. таблицу 2). Рассмотрим подробнее примеры, собранные в повести, и как они переведены на немецкий язык.

4.2.1 Положительная оценка

В примере (16) субъективно-оценочное существительное *дворик* употребляется для передачи чувства счастья, которые у героя были “на деревенском *дворике*”.

- (16) - а все-таки было такое истинное, летнее, молодое, неповторимое - ну, ну, что же? - счастье, наверно... Тогда оно и было, на деревенском *дворике*, где пахло землей, навозцем, сладким духом июньской пылающей зелени... (Дж, 76)

Und trotzdem war etwas Echtes, Sommerliches, Junges, Nichtwiederholbares in dem Ganzen, was mochte das wohl sein, wahrscheinlich: Glück... Jawohl, das war das Glück, damals in jenem ländlichen *Garten*, wo es nach Erde und Jauche roch und süß und mild nach dem lodernden Junigrün... (DaL, 99)

На немецкий язык субъективно-оценочная форма переведена основной формой существительного: *Garten*, которое не так хорошо выражает чувства героини, как в оригинале. Конечно, контекст помогает в определении значения, например слово *Glück* (‘счастье’).

В примере (17) с существительным субъективной оценки *садик* тоже связаны чувства счастья. Рассмотрим пример:

- (17) - А конец февраля? Вы помните? Нет, ничего не высекалось, не вылуцивалось из пещерных недр. Вед были войны, лихолетья, далекие страны, ледяная стынь, смерти и погубления, а Городец с *сади́ком*, с тишиной возник лишь недавно, как поздняя зарница на краю жизни. И то спасибо, господи, за поздноту! (Дж, 117)

“Und Ende Februar, wie war das?” “Wissen Sie, wie der war? Wenn ihm was gegen

den Strich ging...” Nein, es sprang kein Funke aus dem Stein, die unterirdischen Höhlen gaben nichts frei. Kriege waren gewesen, schlimme Jahre und ferne Landstriche, eisige Öden, Tode und Verderbnisse. Und Gorodez mit diesem *Gärtchen*, dieser Stille war erst lange danach gekommen, erst kürzlich, wie ein spätes Wetterleuchten am Ausgang das Lebens. Nimm auch dafür, Herr, unseren Dank, gesegnet sei diese Späte! (DaL, 155)

Выражение “Городец с *сади́ком*” представляет хороший итог, счастье после всех трудностей в жизни старика. В переводе тоже употреблено субъективно-оценочное существительное *Gärtchen* (*Garten* > *Gärt-chen*), которое передает то же значение, что в оригинале.

В примере (1), который мы рассматривали уже раньше, субъективно-оценочным существительным *гвоздик*, в свою очередь, выражаются положительные эмоции Георгия Максимовича о своей работе (см. с. 40).

- (1) Много работать запрещали врачи. Но он все равно любил уходить с утра в мастерскую, и если не писал и не рисовал, то потихоньку возился с картинами, маленьким молоточком вбивал в багеты *гвоздики*, укрепляя картон, перебирал листы... (Дж, 84)

Viel zu arbeiten hatten ihm die Ärzte verboten. Doch er ließ es sich nicht nehmen, jeden Morgen in sein Atelier zu gehen, und wenn er nicht malte oder zeichnete, dann machte er sich sonst an seinen Bildern zu schaffen, schlug mit kleinen Hämmern *kleine Nägel* in die Leisten, blätterte Blätter um... (DaL, 109)

Переводчик употребляет прилагательное *kleine* и существительное *Nägel*. От этого существительного было бы возможно образовать субъективно-оценочную форму с суффиксом *-chen* (*Nagel* > *Nägelchen*), которая была бы лучше в этом контексте.

В примере (18) суффикс *-ик* передает значение ласкательности в слове *год*:

- (18) Васильково возникло в их жизни давно. Иринке было *годика* четыре или пять, дача на Клязьме отпала, бросились искать, им посоветовали Северную дорогу, и вот однажды поехали безо всякого адреса, сошли через пятьдесят минут - просто понравилась безлюдная платформа, купы деревьев, луговой простор - и пошли к деревушке на горизонте. (Дж, 103)

Wassilkowo war vor langer Zeit in ihr Leben getreten. Irinka war vier oder fünf *Jahre* alt, in die Datscha an der Kljasma konnten sie nicht mehr. Sie gingen auf die Suche,

man riet ihnen zur Nordstrecke, einmal fahren sie ohne Ziel los, stiegen nach fünfzig Minuten aus dem Zug - ihnen gefielen der menschenleere Bahnsteig, die Baumkronen, die Weite des Wiesenlandes - und gingen auf das Dorf am Horizont zu. (DaL, 135)

Героиня вспоминает время, когда ее семья нашла дачу в селе Васильково. Когда она вспоминает возраст своей маленькой дочки, автор употребляет субъективно-оценочную форму *годик*, которая содержит ласковые чувства матери к дочке. (См. 3.1.1.1, с. 25). В немецком переводе употребляется основная форма *Jahre* и, поэтому значение остается нейтральным.

В нашем материале суффикс *-чик* не употребляется ни одного раза в положительной функции, и суффикс *-ик* встречается только пять раз в этой функции (См. таблицу 2, с. 39). С помощью его выражаются, в частности, чувства счастья и ласкательности.

4.2.2 Отрицательная оценка

В примере (19) субъективно-оценочным существительным *прудик* выражается недооценка Ольгой Васильевной картин, написанных ее отчимом. Ей они не нравились:

- (19) Ольге Васильевне эти работы не очень нравились....А Ольге Васильевне казалось, что все эти писанные маслом *прудики*, рожицы, речки, овраги, все эти на больших листах сангиной старики, дети, собаки, руки и головы похожи на множество других картин и рисунков, сделанных давным-давно другими художниками, и было непонятно, зачем нужно повторять то, что уже существует в мире. (Дж, 36)

Olga Wassiljewna gefielen diese Arbeiten nicht besonders....Olga Wassiljewna hatte den Eindruck, alle diese mit Ölfarbe gemalten *Teiche*, Wäldchen, Flößchen und Schluchten, alle diese auf großen Blättern mit Röteln gezeichneten Greise, Kinder, Hunde, Hände und Köpfe würden einer Vielzahl anderer Gemälde und Zeichnungen gleichen, die schon längst von anderen Malern gemalt und gezeichnet worden waren. Es war nicht recht einzusehen, warum etwas wiederholt werden mußte, das es auf der Welt schon gab. (DaL, 47)

В переводе употребляется существительное *Teich* ('пруд'), от которого, обычно, не образуется субъективно-оценочная форма в литературном языке. Форма *Teichle*, образованная с суффиксом *-le*, возможна в верхне-

немецких диалектах, и ее можно употреблять как стилистическое средство в художественной литературе, но в этом контексте она не уместна (см. 3.2.2, с. 35).

В следующем примере (20) описывается отвращение, которое Ольга Васильевна чувствовала к мужчине, который рассказал неприятные вещи о ее покойном муже. Внешность и одежда мужчины описываются отрицательными прилагательными. Суффикс *-ик* передает в этом контексте очень негативную оценку. Рассмотрим пример:

- (20) Все было смутно. Ольга Васильевна смотрела на коротенького, седого, в черном и мятом старомодном, пятидесятих годов, *костюмчике* и что-то говорила, не слыша себя. (Дж, 58)

Alles war so vage. Olga Wassiljewna betrachtete den kleinwüchsigen, grauhaarigen Mann in seinem schwarzen zerknitterten altmodischen *Anzug* in der Art der fünfziger Jahre und redete etwas, hörte sich selbst aber nicht. (DaL, 75)

На немецкий язык образование *костюмчик* переведено основной формой *Anzug*, но через контекст отрицательная коннотация хорошо выражена. Тот же контекст, однако, и в оригинале, и поэтому он еще более экспрессивный, чем перевод.

В примере (21) речь идет о том, что Ольга Васильевна относится очень отрицательно к подруге своей дочки. Она порицала то, что у нее было кольцо на пальце. Субъективно-оценочный суффикс *-чик* передает это неодобрение. Лена Кукшина была из очень богатой семьи и Ольге Васильевне не нравился “запах” богатства, окружающий девушку.

Тоже другой контекст здесь отрицательный. Между прочем, выражение “*анемичная толстуха*” передает отрицательную оценку Ольги Васильевны по отношению к Лене. Рассмотрим пример:

- (21) Вторая девочка, Лена Кукшина, была вялая, анемичная толстуха из очень обеспеченной семьи, на ней было пальто из замши, на пухлом *пальчике* кольцо с камнем - безобразие, раньше ни одна девчонка в школе не посмела бы надеть кольцо! - рядом с нею на столике лежал складной японский зонтик, очень изящный, Ольга Васильевна видела такой у приятельницы, и вообще от Кукшиной пахло, как иногда пахнет от человека дешевыми парикмахерскими духами, благополучием и богатством. (Дж, 62)

Die zweite Freundin, Lena Kukschina, war ein etwas träges, anämisches, dickliches Mädchen aus einer sehr gutgestellten Familie, sie trug einen Mantel aus Sämischleder, an ihrem dicklichen *Finger* war ein Ring mit einem Stein, so ein Unding, früher hätte sich kein Mädchen in der Schule mit einem Ring blicken lassen dürfen, neben Lena lag auf dem Tischchen ein zusammenklappbarer, sehr aparter japanischer Regenschirm, Olga Wassiljewna hatte einmal bei einer Freundin so einen Schirm gesehen, und überhaupt roch die Kukschina, so wie Menschen bisweilen nach billigem Friseurparfüm riechen, nach Wohlversorgtheit und Reichtum. (DaL, 79)

В переводе употребляется нейтральное существительное *Finger*, но с помощью контекста неодобрительная окраска высказывания хорошо понятна.

Зато, в примере (22) субъективно-оценочным существительным *мотивчик* выражается равнодушие.

- (22) Диссертация подвигалась плохо. Сережа не любил говорить об этом. Он стал отвечать отрывисто и небрежно, а на какой-то вопрос Георгия Максимовича не ответил вовсе, замолк, отключился и, замурлыкав *мотивчик*, глядел в окно, размышляя о постороннем. (Дж, 89)

Die Dissertation schritt mangelhaft fort. Serjosha sprach nicht gern darüber. Er begann, abgerissen und nachlässig zu antworten, eine Frage ließ er unbeantwortet, er verstummte einfach, schaltete ab, begann eine *Melodie* zu trällern, blickte zum Fenster hinaus und dachte an Beiläufiges. (DaL, 116)

Сережа не хочет говорить с отчимом жены о своей диссертации, и начинает вести себя невежливо и равнодушно по отношению к нему. По нашему мнению, субъективно-оценочным суффиксом *-чик* хорошо выражено это равнодушие: он замурлыкал какой-то мотив, *мотивчик*. На немецкий язык эта субъективно-оценочная форма переведена иноязычным существительным *Melodie*, от которого не возможно образовать субъективно-оценочную форму.

Когда в предыдущем примере субъективно-оценочный суффикс *-чик* передал равнодушие, в следующем примере (23) субъективно-оценочный суффикс *-чик* передает значение высокомерности исходному слову *тон*. Сережа относился снисходительно к простым людям. Это значение выражается также прилагательными *неприятный* и *высокомерный*. Приведем пример:

- (23) - Послушайте, Пантелей, вы кем работаете, собственно? Когда Сережа разговаривал с простыми людьми, в особенности когда затевал с ними спор, у него возникал почему-то неприятный высокомерный *тончик*, по видимому невольно, но людей раздражало. (Дж, 119)

“Hören Sie, Pantelej, welchen Beruf haben Sie?” Wenn sich Serjoscha mit einfachen Leuten unterhielt, und wenn er dann auch noch Streit mit ihnen bekam, kam in seine Stimme ein unangenehm herablassender *Tonfall*, ganz unwillkürlich, aber die Leute waren gekränkt. (DaL, 158)

В немецком переводе используются соответствующие прилагательные *unangenehm* и *herablassend*, но существительное *Tonfall* дано в основной форме. По нашему мнению, более выразительной была бы субъективно-оценочная форма *Tonfällchen*.

В примере (24) субъективно-оценочным существительным *спаниельчик* выражается уничижительность, которую Ольга Васильевна чувствовала к бывшей подруге Маре, потому что она похвалилась своим благополучием:

- (24) Маре хотелось покрасоваться перед бывшими подругами, рассказать о новой квартире, голубом кафеле, обоях под дуб, о причудах *спаниельчика* Рэдии, конечно, о зарубежных впечатлениях - много всего накопилось, пока не виделись. (Дж, 124-125)

Mara wollte sich so gern vor ihren ehemaligen Freundinnen in Positur setzen, von der neuen Wohnung erzählen, blaue Kacheln, wißt ihr, Tapeten a` la Eiche, von den Schnurren des *Spaniels* Ready und natürlich von ihren ausländischen Eindrücken: es hatte sich so viel angesammelt, in der langen Zeit. (DaL, 164)

В этом случае переводчик употребляет нейтральное существительное *Spaniel*. Во втором случае перевод удачнее, когда в нем используется с этим существительным прилагательные *klein* ('маленький') и *süß* ('сладкий'). Особенно прилагательное *süß*, по нашему мнению, очень подходит к контексту.

В примере (25), в свою очередь, описывается одна комната у будущей свекрови Ольги Васильевны. Комната не была красива и с помощью субъективно-оценочных существительных *амурчики*, а также других субъективно-оценочных форм выражается эта некрасивость, но также пренебрежение, которое Ольга Васильевна чувствовала к квартире.

По нашему мнению, с отрицательной коннотацией может быть связано и уменьшительное значение.

- (25) Комната на Шаболовке удивила: какая-то шестигранная, обрубок зала с потолком необычайной высоты, лепные *амурчики* беспощадно разрезаны по филейным частям. Одна ножка и крылышко осеняли шестигранную комнату, а другая ножка и ручонка, держащая лук, висели над коридором. Голов у *амурчиков* не было. (Дж, 31)

Das Zimmer auf der Schabolowka versetzte sie in Staunen: es war sechseckig, das Fragment eines Saales mit sehr hoher Decke, die *Stuck-Amoretten* erbarmungslos entlang der Filetstücke zerteilt. Ein Bein und ein Flügel prangten über dem Sechseck, das andere Bein und das den Pfeil haltende Händchen hingen über dem Korridor. Köpfe besaßen die *Amoretten* nicht... (DaL, 39)

Это единственный раз, когда в немецком переводе употребляется иноязычный суффикс, и в этом случае именно суффикс *-ette*. Субъективно-оценочная форма *Amorette* передает, по нашему мнению, скорее значение уменьшительности, а не так хорошо пренебрежение, как в оригинале.

Как в предыдущем случае, тоже в следующем примере (26), речь идет о пренебрежении. Этот пример отличается от предыдущего, однако, таким образом, что с субъективно-оценочной формой *исусик* всегда связана неодобрительная окраска (Ожегов и Шведова 1993, 261).

В примере (26) речь идет о том, что проводят поминки одного мужчины, называющегося Федя, и одна женщина стала похвалить его. Как и сказано в тексте, она преувеличивала. “Федя был хороший человек, но не такой уж *исусик*...”

- (26) Голос дамы дрожал от волнения, она, конечно, преувеличивала, Федя был человек хороший, но не такой уж *исусик*, как она изображала. (Дж, 127)

Die Stimme der Dame bebte vor Erregung, sie übertrieb natürlich stark, Fedja war ein guter Mensch, aber durchaus kein liebes *Jesulein*. (DaL, 167)

В переводе употребляется нейтральное существительное *Jesulein*, которое значит то же как *Jesuskind* ('исус-ребёнок'). В этом контексте слово

Jesulein используется в пренебрежительном значении, но оно возможно использовать и в положительном значении, иначе, чем субъективно-оценочную форму *исусик*.

На основании нашего материала можно заметить, что существительные субъективно-оценочными суффиксами *-ик* и *-чик* часто употребляются в пренебрежительном значении, но также для выражения недооценки, отвращения, неодобрения, невежливости, равнодушия и высокомерности, чаще всего, героини к какому-либо другому человеку.

4.2.3 Уменьшительное значение

В примере (27) суффикс *-чик* передает значение уменьшительности, с которой все же связана отрицательная коннотация. Рассмотрим пример:

- (27) Ах, как бы она жалела, как бы ценила старуху, если бы та жила где-нибудь далеко! Но в этих комнатках, в этом *коридорчике*, где прожитые годы стояли тесно, один к одному впритык, открыто и без стеснения, как стоит стоптанная домашняя обувь в деревянном ящике под вешалкой, сколоченном Сережей, здесь, в этой тесноте и гуще, не было места для жалости. (Дж, 9)

Welches Mitleid hätte sie mit der alten Frau gehabt, wie hoch hätte sie sie geschätzt, wenn jene irgendwo weit weg gewohnt hätte! Aber in diesen kleinen Zimmern, in diesem *engen Korridor*, wo die gelebten Jahre dicht an dicht standen, offen und ungeniert, wie die abgelaufenen Hausschuhe in der von Serjoscha gezimmerten Holzkiste unter dem Kleiderständer, hier in dieser Enge und Gedrängtheit war kein Platz für Mitleid. (DaL, 9)

Уменьшительное значение выражается и через контекст, где описывается теснота квартиры. Но, кроме того, отрицательный оттенок не может исключаться, потому что здесь описываются отрицательные эмоции героини Ольги Васильевны к своей свекрови. В переводе используются прилагательное *eng* ('тесный') и существительное *Korridor* ('коридор'). По нашему мнению, выбор прилагательного в этом случае очень удачен.

Вместо того, в примере (28) описывается внешность Риты и суффикс *-ик* имеет здесь значение уменьшительности. У нее был

маленький, острый нос:

- (28) Рита была худощавая рыжеватая блондинка с белой конопатой кожей, голубыми глазами и острым *носиком*. (Дж, 23)

Rita war eine hagere Blondine mit Rotstich, mit einer sehr hellen, wie kalfaterten Haut, blauen Augen und einem *Stupsnäschen*. (DaL, 28)

Также на немецкий язык уменьшительное образование *носик* переведено с суффиксом субъективной оценки *-chen* (*Nase* > *Näs-chen*). Выражение *острый носик* переведено на немецкий язык сложным словом *Stupsnäschen*. Таким образом, в переводе выражается то же значение, как в оригинале.

В следующем примере (29) рассказывается о мужчине, который был маленького роста и напоминал гнома:

- (29) Однажды Отто Янович, бородатый *гномик* сунул незаметно записку. (Дж, 24)

Eines Tages steckte ihr Otto Janowitsch, so ein bärtiger *kleiner Gnom*, einen Zettel zu. (DaL, 29)

В переводе употребляется прилагательное *klein* и существительное *Gnom*. В этом случае, употребление прилагательного *klein* ('маленький') хорошее решение, потому что речь идет именно об уменьшительности.

В примере (30) образование *столик* имеет уменьшительное значение. Стол под телефоном является вообще маленьким:

- (30) Ольга Васильевна молча взяла сумку и перенесла ее на *столик* под телефоном. (Дж, 51)

Olga Wassiljewna nahm wortlos die Tasche und trug sie zum *Telephontischchen*. (DaL, 67)

Также в немецком переводе используется субъективно-оценочный суффикс *-chen* (*Tisch* > *Tischchen*). В немецком языке выражение 'столик под телефоном' выражается сложным словом *Telephontischchen*, через которого ясно передается представление о маленьком столе под

Неодушевленное существительное *топор* с субъективно-оценочным суффиксом *-ик* встречается в повести десять раз, и каждый раз оно употребляется в уменьшительном значении.

4.3 Суффиксы *-к(а)*, *-к(и)*, *-к(о)* и *-ик(о)*

Чаще всего, после суффикса *-ок/-ёк/-ек*, в повести встречается субъективно-оценочный суффикс *-к(а)*. С большинством случаев, в которых он употребляется, связана отрицательная оценка.

ТАБЛИЦА 3 Частотность существительных с субъективно-оценочным суффиксом *-к(а)* по их значению в контексте.

Значение	Число	%
Положительная оценка	5	12
Отрицательная оценка	26	60
Уменьшительное значение	12	28
Всего	43	100

4.3.1 Положительная оценка

В примере (31) описывается, как мать Ольги Васильевны оценивает друга своей дочки. Существительным *доля* с суффиксом субъективной оценки *-к(а)* выражается эта оценочность и одобрение. Он был бы хорошим мужем, но Ольга Васильевна любит другого мужчину.

- (31) А каким бы он был исключительным мужем, если бы... Мать Ольги Васильевны считала, что в нем есть “какая-то *долька*” от Пьера Безухова. Пьер - ее любимый герой, потому “какая-то *долька*” значило в ее устах много. (Дж, 28)

Und was für ein vorzüglicher Ehemann wäre er geworden... Olga Wassiljewnas Mutter meinte, in ihm würde ein "gewisses *Quentlein*" von Pierre Besuchow stecken. Pierre war ihr Lieblingsbücherheld, und das "gewisse *Quentlein*" klang in ihrem Mund gewichtig. (DaL, 36)

В переводе тоже используется субъективно-оценочный суффикс *-lein* с существительным *Quent* и таким образом передается то же значение оценочности и одобрения как в оригинальном тексте.

Зато, в примере (32) субъективно-оценочным существительным *монетка* выражаются приятные воспоминания детства. В примере выступает также другое существительное с суффиксом субъективной оценки *окошко*, с которым тоже связано значение уменьшительности.

- (32) И осталось в крови, в зубах неизжитое детское наслаждение: уличная благодать, квадратное маленькое *окошко*, туда *монетку*, оттуда, из пахучей глубины, высунется добрая рука с мягким, живым, только что из утробы, воздушным, прожаренным бубликом. (Дж, 47)

Im Blut und auf den Zähnen blieb die unvergessene Kinderfreude: die Straßenwonne, das kleine quadratische *Fenster*, hinein eine *Münze*, heraus, aus der duftenden Tiefe, eine gütige Hand mit einem weichen, lebendigen, gerade dem Mutterschoß entstiegengen, luftigen, gut durchbackenen Kringel. (DaL, 61-62)

В немецком переводе употребляется существительное *Münze* в основной форме. Контекст, конечно, помогает в определении положительных эмоций героини, связанных с ее детством, но в оригинале тот же контекст дополняет значение субъективно-оценочных форм. Таким образом, оригинальный текст является, по нашему мнению, более выразительным. Субъективно-оценочная форма *окошко* тоже переведена с нейтральным существительным *Fenster*, с которым употребляются те же прилагательные *klein* и *quadratisch*, как в оригинале. Они передают уменьшительное значение.

Между тем в примере (33) субъективно-оценочное существительное *речка* используется в положительной функции, для выражения смягчения. Речь идет о том, что мужу героини Ольги Васильевны не понравился приезд жены в деревню. Он поехал на дачу и хотел быть одним там, потому что у него были трудности с его

диссертацией. Понемногу он, однако, начал смягчаться и “после прогулки на *речку* - даже радовался” её приезду.

- (33) Понемногу он примирился с ее приездом, а к концу дня - после прогулки на *речку* - даже радовался, говорил, что она молодец, что приехала. Ночью было хорошо. (Дж, 107)

Allmählich fand er sich mit ihrer Ankunft ab, gegen Ende des Tages, nach einem Spaziergang zum *Fluß*, freute er sich sogar, sagte, sie sei ein prima Kerl, weil sie gekommen war. Nachts ging es ihnen gut. (DaL, 140)

В переводе употребляется нейтральное слово *Fluß*. Здесь было бы уместной субъективно-оценочная форма *Flußchen*. Перевод остается более нейтральным по значению, по сравнению с оригиналом.

В примере (34) речь идет о том, что Ольга Васильевна не понимала, почему муж не может жить без старых дружков. Мужчины хотели “обща”. В примере Гена Климук употребляет субъективно-оценочное существительное *группка*, и другие существительные с суффиксами субъективной оценки, в выражении близости между друзьями.

- (34) Ну, и с Луизой, с Марой виделась по необходимости, потому что мужики очень любили “обща”: “Давайте обща!”, “Что-то мы давно не обща!” Теперь их объединяли одни интересы: институт и все, что там творилось. Гена Климук шутил, подмигивал: - Давайте сколотим свою *группку*, свою кличку, свою маленькую, уютную бандочку! (Дж, 69)

Gewiß, sie traf sich mit Luisa und mit Mara, aber einfach aus Notwendigkeit, weil die Männer gemeinsame Unternehmungen liebten. Jetzt waren sie durch ein und dieselben Interessen verbunden: durch das Institut und alles, was sich dort so tat. Gena Klimuk scherzte augenzwinkernd: “Laßt uns ein *Grüppchen* zimmern, ein Cliquechen, unsere eigene, kleine, gemütliche Bande!” (DaL, 89)

В переводе также употребляется субъективно-оценочная форма *Grüppchen*. Она образована с помощью субъективно-оценочного суффикса *-chen* от существительного *Gruppe*. Субъективно-оценочной формой *Grüppchen* выражается то же значение, как в оригинале.

Как вышеприведённые примеры показывают, существительными с субъективно-оценочным суффиксом *-к(а)* выражаются оценочность,

приятные воспоминания, смягчение и близость между друзьями. На основании примеров тоже заметно, что эквивалентность между оригиналом и переводом достигнута лучше, когда переводчик употреблял субъективно-оценочную форму и в немецком языке.

4.3.2 Отрицательная оценка

Существительное *деньги* употребляется с суффиксом *-к(и)* два раза в повести, и всегда в отрицательном значении. В примере (35) субъективно-оценочным существительным *денежки* выражается равнодушие:

- (35) -Так что не мучайтесь, снимайте *денежки*, Серёжа на это и откладывал, то была его воля... - На плоском, скуластеньком, как у старой татарки, лице Александры Прокофьевны стлыла любезная улыбочка, а глаза свекрови - маленькие, прозрачно-голубые щелочки, Серёжины, - смотрели холодно, без пощады. (Дж, 12)

“Also, quälen Sie sich nicht, heben Sie das *Geld* ab, Serjoscha hat es extra dafür zurückgelegt, es war sein Wille... “Auf dem flachen, wie bei einer alten Tatarenfrau backenknochigen Gesicht Alexandra Prokofjewnas gerann ein liebenswürdiges Lächeln, während die Augen der Schwiegermutter - diese kleinen, durchsichtig blauen Schlitzäuglein von Serjoscha - kalt und erbarmungslos blickten. (DaL, 12)

Свекровь хочет показать, что ей безразлично, как Ольга Васильевна использует деньги, но в действительности ее слова содержат тоже упрёк к невестке. У свекрови отрицательное отношение к Ольге Васильевне. Это выражается очень ясно также в другом контексте. В переводе употребляется нейтральное существительное *Geld*, но контекст помогает тоже здесь в определении значения.

В примере (33) субъективно-оценочное существительное *речка* употребили для передачи смягчения, между тем как в примере (19), который мы уже рассматривали раньше, употребляется та же форма *речка* для выражения недооценки (Ср. пример (33) с. 60). Здесь, опять, подчеркивается роль контекста в определении значения субъективно-оценочного существительного. Ольга Васильевна не понимает, почему

отчим пишет картины на те же темы, на которые другие художники уже написали.

- (19) Ольге Васильевне эти работы не очень нравились....А Ольге Васильевне казалось, что все эти писанные маслом прудики, рощицы, *речки*, овраги, все эти на больших листах сангиной старики, дети, собаки, руки и головы похожи на множество других картин и рисунков, сделанных давным-давно другими художниками, и было непонятно, зачем нужно повторять то, что уже существует в мире. (Дж, 36)

Olga Wassiljewna gefielen diese Arbeiten nicht besonders....Olga Wassiljewna hatte den Eindruck, alle diese mit Ölfarbe gemalten Teiche, Wäldchen, *Flüßchen* und Schluchten, alle diese auf großen Blättern mit Röteln gezeichneten Greise, Kinder, Hunde, Hände und Köpfe würden einer Vielzahl anderer Gemälde und Zeichnungen gleichen, die schon längst von anderen Malern gemalt und gezeichnet worden waren. Es war nicht recht einzusehen, warum etwas wiederholt werden mußte, das es auf der Welt schon gab. (DaL, 47)

В немецком переводе тоже употребляется существительное *Fluß* с суффиксом субъективной оценки *-chen* (Umlaut u > ü). Употребление субъективно-оценочного суффикса здесь хорошее решение. В переводе передается то же значение, что и в оригинальном тексте.

В примере (36) описывается уничижительное отношение Ольги Васильевны к женщине, называемой Зика. Субъективно-оценочные существительные *личико* и *акварелька* очень хорошо передают уничижение. Прилагательное *простоватое*, глагол *марать* и наречие *бездарно* еще более подчеркивают уничижительную коннотацию.

- (36) Лицо у Зики было ничего, круглое, свеженькое, всегда слегка улыбающееся, в белокурых кудряшках. Простоватое *личико*. Она что-то делала в детском издательстве как книжный график, марала *акварелькой* вполне бездарно. (Дж, 44)

Sikas *Gesicht* war durchaus passabel: rundlich, frisch, stets mit einem leichten Lächeln bedeckt, von strohblonden Löckchen eingerahmt. Sie arbeitete im Kinderbuchverlag, illustrierte Bücher, ihre *Aquarellbilder* waren ziemlich miserabel. (DaL, 57)

В переводе не употребляются субъективно-оценочные формы от соответствующих существительных, а использованы основные формы *Gesicht* и *Aquarellbilder*. В другом случае, когда в оригинале употреблена форма *акварелька*, она переведена сложным словом *Aquarellschmiererei*,

которое лучше выражает уничижительность. От существительного *Gesicht* можно было бы образовать субъективно-оценочную форму *Gesichtchen*. В переводе передается более положительное представление, чем в оригинале. Выражение “*простоватое личико*” отсутствует совсем в переводе. Существительное *лицо* с суффиксом *-ик(о)* употребляется в повести четыре раза, и каждый раз в отрицательном значении.

В следующем примере (39) рассказывается, как один мужчина принёс старые вещи мёртвого мужа Ольги Васильевны с его работы. Ольге Васильевне было очень мучительно глядеть на эти вещи, и она удивилась, почему эту мелкую, случайную чепуху принесли к ней.

Субъективно-оценочный суффикс *-к(а)* передает значение затрепанности и старости книг, но тоже незначительности всех этих вещей.

(37) -Он вынул из портфеля железную коробку из-под чешских сигарет, ... три затрепанные *книжки*, ... и какую-то старую записную *книжку*, телефонную, с загнутыми завитком страничками. (Дж, 53)

“Er entnahm seiner Aktentasche eine tschechische Zigarettendose aus Eisen, ...sodann drei zerlesene *Bücher*, ...und noch ein altes *Notizbuch* mit eselsohrig eingebogenen Seiten. (DaL, 70)

В переводе употребляется основная форма *Buch* с причастием прошедшего времени *zerlesen* и прилагательным *alt*. Те же слова встречаются и в оригинале. От существительного *Buch* было бы возможно образовать также субъективно-оценочную форму *Büchlein*, которое было бы более экспрессивно.

В примере (38) описывается, как все женщины на даче угощали гостей, кроме свекрови героини. Она не помогала другим и будто бы “занималась на *терраске* своей писаниной”. Субъективно-оценочный суффикс *-к(а)* передает здесь оттенок неодобрения поведения свекрови. Тоже слово “писанина” передает отрицательную оценку, а именно пренебрежение:

(38) Ольга Васильевна сбивалась с ног, Иринка помогала, тетя Паша

содействовала... - и только Александра Прокофьевна не подходила к плите, не притрагивалась к посуде и занималась на *terrasske*, разгороженной куском холстины надвое, своей писаниной. (Дж, 75)

Olga Wassiljewna rannte durch die Gegend, Irinka half mit, Tante Pascha legte mit Hand an... und einzig Alexandra Prokofjewna mied den Herd und rührte nicht ans Geschirr, sondern beschäftigte sich auf der *kleinen*, durch ein Stück Leinwand zweigeteilten *Terrasse* mit ihrem Geschreibsel. (DaL, 98)

На немецкий язык субъективно-оценочная форма переведена существительным *Terrasse* и прилагательным *klein* ('маленький'). Конечно, возможно, что *terrasska* является тоже маленькой, но по нашему мнению, уменьшительность здесь не главное значение.

В примере (39) субъективно-оценочное существительное *стенка* используется для передачи чувства напряжения между женой и мужем, и плохое настроение Ольги Васильевны отражалось в ее строгом наказании дочери:

(39) Но они мрачно вошли в подъезд, мрачно погрузились в лифт. Единственная фраза, которую произнесла Ольга Васильевна, было строгое наказание дочери: - Не трогай грязную *стенку*! (Дж, 86)

Doch sie betraten mürrisch den Hauseingang, bestiegen mürrisch den Aufzug. Der einzige Satz, der von Olga Wassiljewna Lippen kam, war der Befehl an die Tochter: "Faß die schmutzige *Liftwand* nicht an!" (DaL, 112)

В переводе используется основная форма *Liftwand* ('стена лифта'), но здесь было бы возможно и субъективно-оценочное образование *Liftwändchen* (*Wand* > *Wändchen*). Теперь перевод остаётся более нейтральным.

В примере (40) субъективно-оценочное существительное *квартирка* употребляется в описании бедной квартиры, но с ней связаны и отрицательные чувства. Гости чувствовали себя неловко, когда хозяйка расплакалась и стала жаловаться на свою жизнь. От прилагательного *бедный* тоже образовано субъективно-оценочная форма *бедноватый*.

(40) Никто не хотел этих слез, жалоб. Спокойствие было подорвано, заговорили разом, охваченные порывом любви к Феде, такому чистейшему, не похожему на обыкновенных людей - боже мой,

непомерное преувеличение, но в тот миг казалось, что прикоснулись к самой истине! - растроганные горем этой женщины, обликом бедноватой *квартирки* со старыми вещами и, неверное, подогретые рассказами Мары о климуковском процветании... (Дж, 127)

Keiner wollte diese Tränen, diese Klagen. Die Ruhe war dahin, alle begannen auf einmal zu reden, in einer Aufwallung der Liebe zu Fedja, diesem reinen Tor, der gewöhnlichen Sterblichen so wenig glich - mein Gott, welch eine Übertreibung, aber in jenem Augenblick glaubten sie, sie hätten an den Kern der Wahrheit gerührt! -, betroffen vom Leid dieser Frau, vom Anblick der ärmlichen *kleinen Wohnung* mit den alten Möbeln, wahrscheinlich angeheizt durch Maras Erzählungen über Klimuks Aufstieg und Blüte. (DaL, 167-168)

В переводе используются существительное *Wohnung* и прилагательное *klein*. От существительного *Wohnung* нельзя образовать субъективно-оценочную форму. Через контекст отрицательная коннотация, все же, ясна. Как в оригинале, так и в переводе употребляется субъективно-оценочное прилагательное *ärmlich* (*arm* > *ärmlich* 'бедноватый').

Между тем в примере (41) субъективно-оценочными существительными описывается неприязнь, которую Ольга Васильевна чувствовала к руководителю спиритического сеанса. Ее муж заинтересовался спиритизмом и привел ее с собой на спиритический сеанс. Ситуация не понравилась жене. С помощью существительных с субъективной оценкой *бородка* (суффикс *-к(а)*) и *шнурок* (суффикс *-ок*) описывается неприятная внешность и манерная одежда руководителя. Рассмотрим пример:

- (41) Руководил действиями инженер-автомобилист, бледный человек с русой шкиперской *бородкой*, говоривший отрывисто и быстро. Каждая его фраза имела оттенок команды, это было неприятно. И сам этот человек, манерно одетый, в красном, толстой вязки шерстяном жилете, со *шнурком* вместо галстука, показался Ольге Васильевне неприятным. (Дж, 141)

Die Leitung des Abends übernahm der Straßenbauingenieur, ein blasser Mann mit blondem *Seemannsbart*, der abgerissen und schnell redete. Jeder Satz hörte sich wie ein Kommando an, das war unangenehm. Auch der Mann selber, der auffallend gekleidet war, eine rote dicke weitmaschige Wollweste mit einer *Kordel* statt eines Schlipses trug, machte auch Olga Wassiljewna keinen guten Eindruck. (DaL, 186)

В переводе употребляются основные формы *Seemannsbart* ('шкиперская

борода') и *Kordel* ('шнур') . От существительного *Bart* могла бы быть использована субъективно-оценочная форма *Bärtchen*.

В следующем примере (42) существительное с суффиксом субъективной оценки *комнатка* используется для выражения жалости.

- (42) Но главное: опять обволокла и обессилила жалость! Опять взглянула на девчонку со стороны, и сжалось сердце: сирота, все одна, одна в своей *комнатке*, отца нет, мать в разъездах... Как не отпустить? И - отпустила. (Дж, 117)

Vor allem aber: das Mitleid umwölkte und entkräftete sie! Wieder blickte sie das Mädels von der Seite an, und das Herz krampfte sich zusammen: dieses Waisenkind, immer allein, allein in ihrem *Kämmerlein*, kein Vater da, die Mutter unterwegs im Land ... Da muß man sie wohl auf die Datscha lassen! Und sie ließ sie fahren. (DaL, 154)

В данном примере речь идет о том, что дочка Ольги Васильевны хотела поехать с друзьями на дачу, хотя у нее был школьный день. Мать не хотела отпускать ее, но в конце концов она отпустила, так как жалела очень сильно свою дочку.

В переводе тоже употребляется субъективно-оценочное существительное *Kämmerlein* (< *Kammer*), которое является очень удачным вариантом. В нашем материале показано, какие разные отрицательные эмоции, суффиксы *-к(а)*, *-к(и)* и *-ик(о)* могут передавать. Что касается чувств жалости, с одной стороны, они отрицательные, а с другой стороны, положительные. Поэтому не всегда легко решить, в какую категорию субъективно-оценочные существительные подходят по их значению. В примерах (40) и (42), по нашему мнению, все же речь идет об отрицательных чувствах. Это выражено и в окружающем контексте.

4.3.3 Уменьшительное значение

В примере (27), которое мы уже раньше рассматривали, субъективно-оценочное существительное *комнатка*, как и *коридорчик*, употребляется в уменьшительном значении. С этим словом также связана отрицательная коннотация (см. пр. 27, с. 56).

- (27) Ах, как бы она жалела, как бы ценила старуху, если бы та жила где-нибудь далеко! Но в этих *комнатках*, в этом *коридорчике*, где прожитые годы стояли тесно, один к одному впритык, открыто и без стеснения, как стоит стоптанная домашняя обувь в деревянном ящике под вешалкой, сколоченном Сережей, здесь, в этой тесноте и гуще, не было места для жалости. (Дж, 9)

Welches Mitleid hätte sie mit der alten Frau gehabt, wie hoch hätte sie sie geschätzt, wenn jene irgendwo weit weg gewohnt hätte! Aber in diesen *kleinen Zimmern*, in diesem *engen Korridor*, wo die gelebten Jahre dicht an dicht standen, offen und ungeniert, wie die abgelaufenen Hausschuhe in der von Serjosha gezimmerten Holzkiste unter dem Kleiderständer, hier in dieser Enge und Gedrängtheit war kein Platz für Mitleid. (DaL, 9)

В переводе используются прилагательное *klein* и существительное *Zimmer*.

Здесь употребление прилагательного *klein* является уместным.

В примере (43) описывается внешность мужчины, и существительное *голова* с субъективно-оценочным суффиксом *-к(а)* употребляется здесь в значении уменьшительности. С субъективно-оценочной формой еще связано прилагательное *маленький*.

- (43) Повсюду ходили вместе: на Базар, в кино, в дымную чебуречную, где толстяк с маленькой *головкой*, Датику, угощал молодым вином и... (Дж, 23)

Überall gingen sie zusammen hin: auf den Bazar, ins Kino, in die verräucherte Grillstube, wo der dicke *kleinköpfige* Datiko ihnen jungen Wein und... (DaL, 28)

В переводе используется прилагательное сочетание *kleinköpfig*. По нашему мнению, это удачный перевод. Значение уменьшительности передается хорошо.

В примере (44) существительным *облако* с субъективно-оценочным суффиксом *-к(о)* выражается уменьшительность. Уменьшительное значение подчеркивает также наречие *чуть* и прилагательное *заметный*.

- (44) Он и исчез потом, и она оказалась дальней виновницей, той точкой несчастья, из которой размоталось потом все непомерное несчастье, как буран в “Капитанской дочке”, разросшийся из чуть заметного *облачка*. (Дж, 122)

Er verschwand dann ja auch, und Darja Mamedowna erwies sich als von fernher

Schuldige, als jenes Unglückspünlchen, aus dem das große Unglück abspulte, wie der Schneesturm in der Hauptmannstochter, der sich aus einem winzigen *Wölkchen* zum Organ auswächst. (DaL, 161-162)

В переводе употребляется тоже субъективно-оценочное образование с суффиксом *-chen* (*Wolk* > *Wölkchen*), а кроме этого прилагательное *winzig* ('чуть заметный'). Они вместе передают то же значение, как в оригинале.

Как видно из примеров (27) и (12), с уменьшительным значением может быть связано как отрицательное, так и положительное значение, зависящее от контекста.

4.4 Суффиксы *-ец*, *-ц(е)*, *-иц(а)*, *-инк(а)* и *-ыш*

4.4.1 Положительная оценка

Субъективно-оценочный суффикс *-ец* употребляется в повести только раз и он присоединен к существительному *брат*. Образование *братец* используется в положительной функции, а именно в дружеском и фамильярном обращении к друзьям. Рассмотрим пример (45):

(45) - А, вот... замаскировались... - Влад тяжело сел рядом. - А я, *братцы*, договорился насчет билета. (Дж, 28)

“Ihr habt euch gut getarnt... “Wlad ließ sich schwer neben sie auf den Boden fallen.
“Und ich habe was wegen der Fahrkarte ausgemacht.” (DaL, 35)

В русском тексте Влад начинает разговор фамильярно с друзьями выражением “-А я, *братцы*”, а в немецком варианте субъективно-оценочная форма отсутствует и переведены только слова *Und ich* ('А я'). Иногда трудно найти уместное слово в другом языке. В этом случае в немецком языке не возможно употребить слово *Brüder* или субъективно-оценочную форму *Brüderchen*, которая была бы иначе возможна.

4.4.2 Отрицательная оценка

Субъективно-оценочный суффикс *-ц(е)* и *-иц(а)* употребляются четыре раза в отрицательной функции. В следующем примере (46) субъективно-оценочный суффикс *-ц(е)* передает уничижительное значение исходного слова *учреждение*. Уничижительность выражают, кроме того, местоимение *какой-то* и прилагательное *невидный*.

- (46) Новый знакомый Влада был историк, недавно окончивший, работал в каком-то невидном *учрежденьице* не по своей специальности. (Дж, 16)

Wlads neuer Bekannter war Historiker, hatte kürzlich sein Studium abgeschlossen, arbeitete in irgendeiner recht unansehnlichen *Institution* und nicht in seinem Fach. (DaL, 18-19)

В переводе употребляется существительное *Institution* и то же местоимение *irgendein* и прилагательное *unansehnlich*, как в оригинальном тексте. Через местоимение и прилагательное передается уничижительная оценка довольно хорошо.

В примере (47), опять-таки, используется субъективно-оценочная форма *тельце*, чтобы выразить, какой жалкий, тщедушный и маленький ребенок был, потому что она родилась семимесячной. Жена не могла сразу показать дочку мужу:

- (47) ...и она крикнула, заслоня собой: “Не смотри, не смотри! Потом! Уйди!” Не могла, чтоб увидел такое жалонькое, тщедушное. Дня через три показала ему это *тельце*, уже напоминавшее ребенка. (Дж, 40)

... und rief: “Schau nicht! Schau nicht hin! Später! Geh jetzt fort!” Sie konnte es nicht ertragen, daß er ein so klägliches, schwächliches Geschöpf zu sehen bekäme. Nach drei Tagen zeigte sie ihm diesen *winzigen Körper*, der schon etwas nach Kind aussah. (DaL, 53)

В переводе употребляется не субъективно-оценочная форма, а существительное *Körper* в основной форме и прилагательное *winzig* (‘совсем маленький’). Через их передается уменьшительность, но не жалкость и тщедушность так хорошо, как в оригинале.

Непродуктивный суффикс *-ыш* встречается только один раз в

повести, а именно в отрицательном значении. С его помощью образовано существительное субъективной оценки *малыш* от прилагательного *малый*.

4.4.3 Уменьшительное значение

Суффикс *-ц(е)* также используется два раза с существительным *болото*, и каждый раз в уменьшительном значении. Рассмотрим один из этих случаев:

- (48) Они стояли перед маленьким лесным *болотцем*. “Что это?” - спросила Ольга Васильевна. (Дж, 155)

Sie standen vor einem *kleinen Waldsumpf*. “Was ist das?” fragte Olga Wassiljewna. (DaL, 205)

В немецком переводе употребляются прилагательное *klein* и существительное *Waldsumpf* ('лесное болото') в обоих случаях. Употребление прилагательного *klein* ('маленький') здесь хорошее решение. Он передает значение уменьшительности.

Суффикс *-инк(а)* встречается четыре раза в нашем материале. Один раз он употребляется в уменьшительном значении, когда он присоединен к существительным *тропа* (> *тропинка*). В других случаях суффикс *-инк(а)* выражает “один из группы: *травинка* и *пылинка*.”

На немецкий язык форма *тропинка* переведена существительным *Pfad* в основной форме, и, таким образом, значение остаётся нейтральным. *Травинка* переведена существительным *Grashalm*, которое значит “один стебелек травы”. Тоже *пылинка* переведена эквивалентом *Staubkorn* ('частица пыли'). Другим вариантом была бы субъективно-оценочная форма *Stäubchen* (< *Staub*).

4.5 Суффиксы *-очек*, *-очк(а)/-ечк(а)* и *-ечк(о)*

Из этих суффиксов только суффикс *-очк(а)* часто употребляется в повести, всего 36 раз, между тем как его вариант *-ечк(а)* употребляется только один раз. Суффикс *-очек* выступает в тексте четыре раза и *-ечк(о)* только один раз. Суффикс *-очк(а)/-ечк(а)*, который суффикс второй степени субъективной оценки, встречается в повести больше всего после суффиксов *-ок/-ёк/-ек* и *-к(а)* (См. таблица 5, с. 85).

В следующей таблице 4 показано, как часто суффикс *-очк(а)/-ечк(а)* употребляется в положительном, отрицательном и уменьшительном значениях в повести.

ТАБЛИЦА 4 Частотность существительных с субъективно-оценочным суффиксом *-очк(а)/-ечк(а)* по их значению в контексте.

Значение	Число	%
Положительная оценка	8	22
Отрицательная оценка	26	72
Уменьшительное значение	2	6
Всего	36	100

Как показано в таблице 4, чаще всего существительные с суффиксом *-очк(а)/-ечк(а)* употреблены в отрицательной функции. Положительная коннотация связана с ними всего 8 раз, и уменьшительность только два раза. Суффикс *-ечк(а)* употреблен только раз, а именно в отрицательном значении.

4.5.1 Положительная оценка

Суффиксы второй степени субъективной оценки *-очек*, *-очк(а)* и *-ечк(о)* употребляются в тексте всего девять раз в положительной функции. Чаще всего с этими суффиксами связаны ласковые и нежные чувства, за исключением следующего примера (49), в котором рассказывается об отчине Ольги Васильевны и о том, как он “любил вставлять в разговор французские *словечки*”. У него была такая привычка. По нашему мнению, с формой *словечко* в этом контексте сильно связана аффективная функция:

- (49) Он был добрый, образованный, учился в Париже, был знаком с Модильяни и Шагалом, любил вставлять в разговор французские *словечки*, хотя читал и говорил по-французски очень скверно.... (Дж, 36)

Er war ein freundlicher, gebildeter Mann, hatte in Paris studiert, war mit Chagall und Modigliani bekannt gewesen, würzte seine Rede mit französischen *Wörtern*, obwohl er nur höchst mangelhaft Französisch las und sprach... (DaL, 47)

Зато в немецком языке употребляется не субъективно-оценочная форма, а существительное *Wort* в основной форме. От этого существительного было бы возможно образовать субъективно-оценочную форму с суффиксом *-chen* (*Wort* > *Wörtchen*), которая была бы более экспрессивна.

Вместо того, в примере (50) субъективно-оценочным существительным *мордочка* выражаются ласковые чувства и любовь между матерью и дочкой.

- (50) Ничего не сказала, провела рукою по волосам дочери. Та вдруг рванулась, обняла мать, ткнулась холодноносой, щенячьей *мордочкой* в щеку, в ухо, шепча что-то жалобное, и Ольга Васильевна тоже шептала, они друг друга не слышали, все произошло в течение двух секунд. (Дж, 63)

Sie sagte nichts, fuhr mit der Hand über das Haar der Tochter. Die gab sich einen Ruck, umarmte die Mutter, bohrte ihr kaltnäsiges, welpenhaftes *Schnäuzchen* gegen deren Wange und Ohr, flüsterte etwas Klägliches, Olga Wassiljewna flüsterte zurück, die beiden hörten einander nicht, dies alles geschach innerhalb von zwei Sekunden. (DaL, 81)

В переводе употребляется соответствующая субъективно-оценочная форма *Schnäuzchen* от существительного *Schnauze*, и через неё значение ласкательности передается очень хорошо.

В примере (34) субъективно-оценочный суффикс *-очк(а)* передает чувства дружбы между мужчинами в исходных словах *клика* и *банда*. Хотя Гена Климук шутит, в его словах выражается важность друзей и встреч между ними. Очень выразительны в этом контексте также притяжательное местоимение *свой* и прилагательные *маленький* и *уютный*, связанные с субъективно-оценочными формами:

- (34) Ну, и с Луизой, с Марой виделась по необходимости, потому что мужики очень любили “обща”: “Давайте обща!”, “Что-то мы давно не обща!” Теперь их объединяли одни интересы: институт и все, что там творилось. Гена Климук шутил, подмигивал: - Давайте сколотим свою группку, свою *кликочку*, свою маленькую, уютную *бандочку*! (Дж, 69)

Gewiß, sie traf sich mit Luisa und mit Mara, aber einfach aus Notwendigkeit, weil die Männer gemeinsame Unternehmungen liebten. Jetzt waren sie durch ein und dieselben Interessen verbunden: durch das Institut und alles, was sich dort so tat. Gena Klimuk scherzte augenzwinkernd: “Laßt uns ein Grüppchen zimmern, ein *Cliquechen*, unsere eigene, kleine, gemütliche *Bande*!” (DaL, 89)

В немецком языке образование *кликочка* переведено тоже субъективно-оценочной формой *Cliquechen*, но образование *бандочка* переведено основной формой *Bande*. В переводе тоже используются притяжательное местоимение *eigen* и прилагательные *klein* и *gemütlich*, через которые чувства близости и дружбы передаются довольно хорошо.

В примере (51) дочка употребляет субъективно-оценочную форму *папочка*, когда она говорит своему отцу и старается уладить ссору между родителями:

- (51) - *Папочка*, мама не хочет, поэтому не ездь! - сказала Иринка и подойдя к чемодану, стала выбрасывать оттуда отцовские вещи. (Дж, 100)

“*Pappi*, die Mama will das nicht, du darfst nicht fahren!” sagte Irinka, trat auf den Koffer zu und begann, die väterlichen Siebensachen aus dem Koffer zu werfen. (DaL, 131)

В переводе используется субъективно-оценочный суффикс *-i* от

существительного *Papa*. Форму *Pappi* употребляют именно дети в своей речи и с ней связаны ласковые чувства. Образование *Pappi* является разговорной формой от субъективно-оценочной формы *Papi*.

4.5.2 Отрицательная оценка

Чаще всего субъективно-оценочный суффикс *-очк(а)* используется в отрицательной функции. В нашем материале - всего 26 раз. Часто он передает пренебрежительную оценку героини к какому-либо другому человеку.

В примере (37) с помощью субъективно-оценочных существительных *улыбочка* и *щелочка* передается очень отрицательная оценка героини о свекрови. В примере описывается, каким злым и холодным человеком была свекровь:

(37) -Так что не мучайтесь, снимайте денежки, Серёжа на это и откладывал, то была его воля... - На плоском, скуластеньком, как у старой татарки, лице Александры Прокофьевны стыла любезная *улыбочка*, а глаза свекрови - маленькие, прозрачно-голубые *щелочки*, Серёжины, - смотрели холодно, без пощады. (Дж, 12)

“Also, quälen Sie sich nicht, heben Sie das Geld ab, Serjoscha hat es extra dafür zurückgelegt, es war sein Wille... “Auf dem flachen, wie bei einer alten Tatarenfrau backenknochigen Gesicht Alexandra Prokofjewnas gerann ein liebenswürdiges *Lächeln*, während die Augen der Schwiegermutter - diese kleinen, durchsichtig blauen *Schlitzäuglein* von Serjoscha - kalt und erbarmungslos blickten. (DaL, 12) -lein

В переводе употребляется существительное *Lächeln*, которое образовано от глагола *lächeln* ('улыбаться'). Значение этого глагола - субъективно-оценочное. От существительного *Schlitzauge* образована субъективно-оценочная форма *Schlitzäuglein* с суффиксом *-lein*. Перевод хорошо соответствует оригиналу.

Субъективно-оценочная форма *дурочка* употребляется три раза в произведении, и каждый раз в презрительном значении. Рассмотрим один из этих случаев:

(52) Кто-то звонил, то ли Луиза, то ли эта *дурочка* Мара Климук, по наущению мужиков, уговаривали ее смягчиться и разрешить. (Дж, 68)

Irgend jemand rief an, Luisa oder das *Gänschen* Mara Klimuk, auf Betreiben der Männer, und versuchte, sie umzustimmen. (DaL, 87)

В переводе используется субъективно-оценочное образование *Gänschen* от существительного *Gans* ('курица'), которое очень хорошо передает пренебрежительный оттенок. В обоих языках употребляются выражения, которые передают презрение именно женщине.

В следующем примере (53) употребляется субъективно-оценочное существительное *бандочка* в ироническом значении (Ср. пример 34). Старый друг Гена Климук предал мужа Ольги Васильевны.

(53) Если бы Федя был жив и оставался ученым секретарем, он, конечно, никогда бы не допустил всей этой пакости, что повалилась на Сережу год назад по вине старого друга Климука и его "маленькой *бандочки*". (Дж, 70)

Wäre Fedja am Leben und dazu noch wissenschaftlicher Sekretär geblieben, hätte er natürlich nie und nimmer diese Gemeinheit zugelassen, die vor einem Jahr auf Serjosha niederstürzte, durch die Schuld des alten Freundes Klimuk und seiner "*kleinen gemütlichen Bande*". (DaL, 89)

В переводе не употребляется субъективно-оценочное существительное, а основная форма *Bande*, но через контекст иронический оттенок высказывания ясен. Кавычки тоже помогают понять значение.

В примере (54) описывается отрицательная черта характера у Сережи. Жена порицала его склонность сеять себе врагов. Субъективно-оценочным существительным *шуточка* выражается это неодобрение.

(54) Сережа был болтлив, неосторожен и сеял себе врагов. Скольких он наплодил - *шуточками*, спорами, ядовитостями... (Дж, 81)

Serjosha war schwatzhaft, unvorsichtig, er zeugte selber seine Feinde. Wie viele het er sich geschaffen: durch *kleine Scherze*, Streitgespräche, spitze Bemerkungen... (DaL, 105)

В немецком языке переводчик употребляет существительное *Scherz* и

прилагательное *klein*. Конечно, контекст помогает в определении значения, но субъективно-оценочная форма *Scherzchen* была бы здесь лучше.

В следующем примере (55) жена употребляет субъективно-оценочную форму *мамочка* с “ядовитым” оттенком.

- (55) Потому что - на него свалилась гора. Лежачего не бьют. Однако бес толкал ее, подзуживал непобедимо, и она негромко - боясь, что свекровь может постучаться, а то и без стука войти, - с неизвестно откуда взявшимся гнуснейшим ядом сказала: - Вместо того чтобы оберегать *мамочку*, ты бы столь же бережно отнесся к своей защите... (Дж, 98)

Weil nämlich ein Berg auf ihn gestürzt war. Den Liegenden schlägt man nicht. jedoch der Teufel ritt sie und spornte sie an, sie sagte, nicht sehr laut, damit die Schwiegermutter nicht anklopft oder ohne Klopfen reinkommt, sagte mit sich plötzlich einstellendem Gift: “Statt dein *Mütterlein* zu beschirmen, solltest du lieber deine Diss umsorgen!” (DaL, 128)

В переводе через субъективно-оценочную форму *Mütterlein* передается хорошо та же негативная оценка, как в оригинале.

В примере (56) субъективно-оценочным существительным *дамочка* выражается презрение, которое Ольга Васильевна чувствовала к бывшей подруге Маре.

- (56) ... но больше всех налегала Мара. Она была, кажется, единственной, кому шестилетие пошло впрок: налилась соком, раздобрела, стала плотной, холеной *дамочкой*, ее круглое, малиновое от водки *личико* сияло, выражая полное удовольствие жизнью. Ольгу Васильевну она раздражала. Не хотелось с нею разговаривать, а уж тем более слушать ее хвастовство. (Дж, 125)

... doch am eifrigsten soff Mara. Sie schien die einzige zu sein, der dieses Jahrsechst gut bekommen war: Milch und Blut und Leibesfülle, ein gepflegtes *Dämchen*, das vom Wodka himbeerfarbene *Gesicht* strahlte und drückte schlechthin Freude am leben aus. Olga Wassiljewna ging das auf die Nerven. Sie hatte keine Lust, mit ihr zu reden, noch weniger Lust hatte sie, Maras Aufschneidereien zu lauschen. (DaL, 165)

Перевод является удачным. В нем употребляется тоже пренебрежительная форма *Dämchen* от существительного *Dame*.

В примере (57) субъективно-оценочной формой *кисточка* выражается недооценка Ольгой Васильевной работ отчима.

- (57) Он не умел зарабатывать на хлеб. Не умел ничего, кроме мазьюканья *кисточкой* по бумаге. (Дж,84)

Er verstand es nicht, ums Brot zu arbeiten. Er verstand nichts, außer: den *Pinsel* übers Papier zu führen. (DaL, 110)

В переводе употребляется существительное *Pinsel* в основной форме, и недооценка выражается не так ясно, как в первоначальном тексте.

4.6 Суффиксы *-ушк(а)/-юшк(а)*, *-ишк(о)*, *-ишк(а)* и *-ышк(о)*

4.6.1 Положительная оценка

В примерах (58) и (59) субъективно-оценочные существительные *матушка* и *чёртушка* употребляются в ласкательном значении.

- (58) Его вводили в заблуждение грубоватые, будто бы раздраженные окрики Сергея: “Как ты непонятлива, *матушка!* Ногами делай вот так, как лягушка!” Тогда он любил это “*матушка*”, “мать”, словно прожили вместе целую жизнь. Потом явились другие ласковые слова, - например, “слонёнок”, “слониха”. (Дж, 25)

Ihn täuschten die ziemlich groben, scheinbar gereizten Zurufe Sergejs: “Stell dich nicht so an, *Mütterchen!* Mach mit den Beinen wie ein Frosch! “ Damals redete er sie mit Vorliebe mit “*Mütterchen*” und “Mutter” an, als hätten sie ein ganzes Leben zusammen gelebt. Später stellten sich andere Koseworte ein, beispielsweise “Elefantenbaby” oder “Elefantin”. (DaL, 31)

В данном примере Сергей выражает субъективно-оценочной формой *матушка* нежные эмоции к героине Ольге Васильевне. Здесь ясно, что они любят друг друга.

В переводе используется тоже субъективно-оценочное существительное *Mütterchen* и, по нашему мнению, это хорошее решение. То же значение ласкательности выражена в переводе, как в оригинале.

В следующем примере (59) Влад ищет своих друзей и употребляет форму *чёртушка*, когда он обращается к ним.

(59) - Где вы тут, *чёртушки?* - кричал Влад. (Дж, 28)

“Wo steckt ihr denn, ihr *Teufelsburschen?*” rief Wlad. (DaL, 35)

Переводчик употребляет сложное слово *Teufelsburschen* (*Teufel* = черт и *Bursche* = юноша, молодой человек), которое является в этом контексте уместным.

4.6.2 Отрицательная оценка

В примере (60) речь идет о том, что героиня Ольга Васильевна вспоминает о своей свадьбе. Она относится к ней с недооценкой. Это выражена субъективно-оценочным существительным *вечерушка* и прилагательным *обыкновенная*.

(60) Какая свадьба - обыкновенная *вечерушка*, водка, закуски, котлеты по-киевски из близлежащего ресторана. (Дж, 34) -ушка

Das Wort Hochzeit war reichlich hochgegriffen, es war eine gewöhnliche *Abendparty* mit Wodka, kaltem Imbiß und Hackfleisch nach Kiewer Art aus dem nächstgelegenen Restaurant. (DaL, 44)

На немецкий язык форма *вечерушка* переведена сложным словом *Abendparty*, и с ним тоже связано прилагательное *gewöhnliche*. Перевод хорошо соответствует оригиналу.

В примере (61) субъективно-оценочное существительное *умишко* используется в пренебрежительном значении:

(61) И Рита, давно уже скрытно раздраженная, - она соображала своим *умишком*, что ни Влад, ни Серёжа ею не интересуются, и начала понемногу Ольгу Васильевну ненавидеть, - сказала, что Ольга, по своему обыкновению, делает из мухи слона. (Дж, 22-23)

Und Rita, die im verborgenen schon längst gereizt war - *ihr Verstand reichte aus zu begreifen*, daß weder Wlad noch Serjoscha etwas mit ihr Sinn hatten, und nach und nach begann sie, Olga Wassiljewna zu hassen -, Rita sagte, Olga würde, wie das ihre Gewohnheit sei, aus der Mücke einen Elefanten machen. (DaL, 28)

В переводе употребляется другая структура, а именно существительное *Verstand* и глаголы *reichen* и *begreifen*. По нашему мнению, отрицательная оценка выражается все же ясно.

Суффикс *-ишк(о)* употребляется в повести только в отрицательной функции. В следующем примере (62) субъективно-оценочный суффикс *-ишк(о)* передает о слове *пальто* представление, что оно уже слишком маленькое и старое.

- (62) Длинные худые ноги Иринки в темных чулках, ее куцеватое *пальтишко*, из которого она выросла, надо менять, - каждый раз при взгляде на это *пальтишко* Ольга Васильевна испытывала кое-то душевное ущемление, мгновенный укол, но не заводила речи о покупке, Иринка тоже молчала: осень уж как-нибудь доходит, а на зиму есть неплохая шубка... (Дж, 60)

Irinkas lange dünne Beine in den dunklen Strümpfen, ihr gar zu kurzes *Mäntelchen*, aus dem sie herausgewachsen war - beim Anblick dieses *Mäntelchens* empfand Olga Wassiljewna jedesmal eine Art von seelischer Bedrängnis, einen Stich ins Herz, sie unterließ es jedoch, vom Kauf eines neuen Mantels zu sprechen, auch Irinka schwieg sich aus, für den Herbst reicht der alte leicht aus, für den Winter ist ein guter Pelz da... (DaL, 78)

В немецком языке тоже используется субъективно-оценочное существительное *Mäntelchen*, которое хорошо передает то же значение, как в первоначальном тексте.

Субъективно-оценочные существительные *городишко*, *комнатушка* и *домушка* тоже встречаются в повести в пренебрежительном значении. Суффиксы *-ишк(о)* и *-ишк(а)*, которые связаны с существительными мужского и среднего рода, передают, вообще, презрительно-уничижительное или снисходительно-ироническое значение (см. 3.1.2.3). Суффикс *-ишк(а)* также связан с существительными женского рода.

На немецкий язык *городишко* переведено в обоих разгах тоже субъективно-оценочным существительным *Städtchen*, которое самый хороший вариант. *Комнатушка* переведена прилагательным *klein* ('маленький') и существительным *Zimmer* ('комната'), а, по нашему мнению, они не так хорошо передают пренебрежительное значение, как в оригинале. Форме *домушка* переводчик нашел подходящее слово *Kate* ('лачуга').

Как предыдущие субъективно-оценочные существительные, тоже существительное *мальчик* с суффиксом *-ишк(а)* употребляется в пренебрежительном значении. Образование *мальчишка* встречается два раза в повести. Рассмотрим один из этих случаев:

(63) - Собственно говоря, я был в Париже дважды... Первый раз совсем *мальчишкой*, в десятых годах, но тогда я ничего не понимал... (Дж, 88)

“Strenggenommen war ich zweimal in Paris... Das erste Mal praktisch als *Bengel*, aber damals begriff ich nichts... (DaL, 114)

В примере (63) отчим героини рассказывает её мужу, каким молодым и неопытным мужчиной он был, когда он первый раз был в Париже. Переводчик нашел уместный эквивалент *Bengel*, который передает то же значение, как в оригинальном тексте.

Субъективно-оценочный суффикс *-ышко* встречаются только один раз в повести “Другая жизнь”. Он присоединен к существительным *крыло*. Субъективно-оценочная форма *крылышко* употребляется в пренебрежительном значении. Суффиксы этого раздела совсем не встречаются в уменьшительном значении в нашем материале.

4.7 Суффиксы *-ёнок*, *-онк(а)*/*-ёнк(а)* и *-енк(а)*

4.7.1 Положительная оценка

Субъективно-оценочный суффикс *-ёнок* с существительным *слон* встречается в повести только один раз в ласкательном значении. В этом примере, которого мы уже раньше рассматривали, употребляются тоже другие субъективно-оценочные существительные, и все эти ласковые, нежные слова передают любовь и счастье между двумя человеками.

(58) Его вводили в заблуждение грубоватые, будто бы раздраженные окрики

Сергея: “Как ты непонятлива, матушка! Ногами делай вот так, как лягушка!” Тогда он любил это “матушка”, “мать”, словно прожили вместе целую жизнь. Потом явились другие ласковые слова, - например, “*слоненок*”, “слониха”. (Дж, 25)

Ihn täuschten die ziemlich groben, scheinbar gereizten Zurufe Sergejs: “Stell dich nicht so an, Mütterchen! Mach mit den Beinen wie ein Frosch! “ Damals redete er sie mit Vorliebe mit “Mütterchen” und “Mutter” an, als hätten sie ein ganzes Leben zusammen gelebt. Später stellten sich andere Koseworte ein, beispielsweise “*Elefantenbaby*” oder “*Elefantin*”. (DaL, 31)

Название детёныша *слонёнок* переведено на немецкий язык сложным существительным *Elefantenbaby*, которое хорошо передает ласковые чувства.

В примере (64) субъективно-оценочное существительное *девчонка* тоже употребляется в ласкательном значении, но этот случай отличается от предыдущего примера таким образом, что здесь с ласкательностью связана и жалость. Мать жалела свою дочку.

- (64) Ольга Васильевна беспокоилась, девочке многое там будет напоминать. Сама бы не пошла в этот театр ни за что. Весь вечер Ольга Васильевна изнывала, томилась, звонила Дашиной матери: не будет ли кто девонок встречать? Мать у Даши поразительно беспечна. Иринка пришла около двенадцаты, мрачная, ни слова не говоря, пробежала в свою комнату, ужинать отказалась: “Болит голова!” Ольга Васильевна заглянула через четверть часа: *девчонка* плакала. Захлестнуло жалостью. Обнимала дочь, гладила, успокаивала и сама едва сдерживалась. (Дж, 114)

Olga Wassiljewna war unruhig, das Mädchel würde sich bestimmt an manches erinnert fühlen. Selber wäre sie um nichts in der Welt hingegangen. Den ganzen Abend war ihr unwohl, sie rief sogar Daschas Mutter an: ob jemand die Kinder abholen wird? Daschas Mutter ist verblüffend unbekümmert. Irinka kam gegen zwölf, finster wie die Nacht, sagte kein Wort, lief gleich auf ihr Zimmer, wies das Abendessen zurück, sagte, sie hätte Kopfschmerzen. Olga Wassiljewna schaute eine Viertelstunde später rein: das *Mädchel* weinte. Ein irrsinniges Mitleid stieg in ihr auf. Sie umarmte die Tochter, streichelte sie, versuchte, sie zu beruhigen, hätte selber bald losgehault. (DaL, 151)

В переводе используется существительное *Mädchel*, которое разговорная форма от существительного *Mädchen*, или диалектная форма, которую употребляется в Баварии (Langenscheidts Großwörterbuch 1997, 629; Deutsches Universal Wörterbuch 1989, 977). Через контекст значения ласкательности и жалости все же ясно выражены. Форма *девчонка* тоже употребляется

довольно много раз в нейтральном значении в нашем материале.

4.7.2 Отрицательная оценка

Большинство из существительных, к которым присоединен субъективно-оценочный суффикс *-онка*, передают отрицательную оценку, а именно пренебрежительность. Приведем пример этого:

- (65) Успела подумать: “Глаза сумасшедшей...” Та подошла вплотную, белыми губами задвигала: “Я все поняла, мелкая *душонка*, ты своего мужа погубишь, ну это черт с ним. А если меня и Валерия не оставишь в покое, я тебя уничтожу! Поняла?” и рукой громадною захманулась. (Дж, 47)

Sie hatte noch Zeit zu denken: “Das sind die Augen einer Irren... “Sika ging dicht an sie heran, bewegte ihre weißen Lippen: “Ich habe alles begriffen, du *kleine Seele*, du bringst noch deinen Mann ins Unglück, na ja, von mir aus. Aber wenn du mich und Valerij nicht in Frieden läßt, werde ich dich vernichten. Hast du verstanden?” Und hob drohend ihren riesengroßen Arm. (DaL, 61)

В переводе используется существительное *Seele* и прилагательное *klein*. В этом контексте употребление существительного *Seele* и прилагательного *klein* удачный перевод. Они хорошо передают презрение.

Наоборот, как в примере (64) (ср. с. 81), в следующем примере (66) субъективно-оценочное существительное *девчонка* употребляется в презрительном значении. Ольга Васильевна порицала поведение подружки своей дочери, которая сейчас страдала из-за неё. Тоже окружающий контекст хорошо передает эту отрицательную оценку, например, субъективно-оценочные формы от собственных имён: *Дашенька, Майка* .

- (66) А затихнув, Иринка рассказала неожиданное: Даша оказывается, пригласила в театр еще одну девочку и весь вечер разговаривала с нею, а не с Иринкой. В антракте гуляли под руку вдвоем, а Иринка была как посторонняя. И шептались о чем-то секретно. Иринка так огорчилась, что после театра убежала не попрощавшись. Ольга Васильевна была поражена. Ведь так любила отца! А страдает из-за дрянной *девчонки*, притворщицы. Примирилась со своей Дашенькой скоро, встретила Ольгу Васильевну счастливая: “Дашка сказала, что

Майка дура! С ней разговаривать не о чем. Она Феллини не признает...”
(Дж, 114)

Als Irinka sich beruhigt hatte, erzählte sie diese etwas unerwartete Geschichte: Dascha hatte noch ein anderes Mädchen ins Theater eingeladen und sich den ganzen Abend nur mit der unterhalten. In der Pause spazierten die zwei Arm in Arm, Irinka war ihnen wie ein Fremde. Die zwei anderen Mädels flüsterten sich Geheimnisse zu. Irinka nahm sich das so zu Herzen, daß sie nach dem Theater ohne Abschied davonlief. Olga Wassiljewna war wie vor den Kopf geschlagen. Das Mädels hat den Vater so geliebt! Und leidet wegen dieser *Göre* Qualen, die sich aufspielt und verstellt. Schon bald war sie mit ihrem Daschalein wieder verschönt, erzählte glückstrahlend: “Die Dascha sagt, die Majka ist ein Huhn. Worüber soll man mit der reden, sagt sie. Die hat doch kein Verhältnis zu Fellini.” (DaL, 151)

В переводе употребляется существительное *Göre* (‘нахальная девушка’), которая - диалектная форма, и имеет обычно пренебрежительное значение (Deutsches Universal Wörterbuch A-Z 1989, 623). Таким образом, перевод очень удачен.

Субъективно-оценочный суффикс *-ёнк(а)* встречается только один раз в нашем материале. Он присоединен к существительным *глаз* и придает уничижительное значение. Суффикс *-енк(а)* тоже употребляется один раз в пренебрежительном значении. Рассмотрим пример:

(67) А Климук был мрачноват или, может быть, переполнен чувством собственной значительности.... Слишком большой человек, чтобы петь под гитару *песенки* неясного содержания, как студент в электричке. (Дж, 126)

Klimuk selber schaute finster drein, oder vielleicht erfüllte ihn das Gefühl der eigenen Bedeutsamkeit... Ein zu großer Mann, um *Liedchen* unklaren Inhalts zur Gitarre vorzutragen, wie ein Student im Vorortzug. (DaL, 166)

Здесь речь идет о том, что героиня презирает Гену Климук, который “слишком большой человек”, чтобы петь одну *песенку* в вечернике.

В переводе тоже употребляется субъективно-оценочное существительное *Liedchen* (*Lied* > *Liedchen*), которое хорошо соответствует оригиналу. Окружающий контекст тоже выражает оттенок презрения в обоих языках.

5 ВЫВОДЫ

В нашем материале встретилось всего 240 существительных с субъективно-оценочными суффиксами. Это число содержит и повторяющиеся в тексте существительные с одним и тем же суффиксом потому, что они могут употребляться в разных значениях, зависящих от контекста.

В таблице 5 показана частотность употребления суффиксов субъективной оценки в повести “Другая жизнь”.

ТАБЛИЦА 5 Частотность субъективно-оценочных суффиксов у существительных в повести “Другая жизнь” Ю. Трифонова.

Суфф. субь. оценки	число	%
Суффикс -ок/ёк/-ек	44	18,3
Суффикс -ик	35	14,6
Суффикс -чик	17	7,1
Суффикс -к(а)	43	17,9
Суффиксы -к(о) и -ик(о)	6	2,5
Суффиксы -ец, -ц(е) и -иц(а)	9	3,8
Суффикс -инк(а)	4	1,7
Суффикс -очк(а)/-ечк(а)	37	15,4
Суффикс -очек	4	1,7
Суффикс -ушк(а)/-юшк(а)	11	4,6
Суффикс -ишк(о)	7	2,9
Суффикс -онк(а)/-ёнк(а)	12	5,0
Суффикс -к(и)	2	4,5
Суффикс -ыш	1	
Суффикс -ышк(о)	1	
Суффикс -ишк(а)	2	
Суффикс -ечк(о)	1	
Суффикс -ичк(а)	2	
Суффикс -яшк(а)	1	
Суффикс -енк(а)	1	
Всего	240	

Как показано в таблице 5, выделяется четыре суффикса, которые встречаются в повести чаще чем другие: суффиксы *-ок/-ёк/-ек*, *-к(а)*, *-очк(а)/-ечк(а)* и *-ик*. Чаще всего автор употребляет суффиксы первой

степени субъективной оценки, а именно суффикс *-ок/-ёк/-ек*, который связан с существительными мужского рода, и суффикс *-к(а)*, который, в свою очередь, соединен к существительным женского рода. Отличие от частотности между этими суффиксами очень минимально, т. е. суффикс *-ок/-ёк/-ек* встречается всего 44 раза и суффикс *-к(а)* 43 раза. Варианты *-ёк* и *-ек* суффикса *-ок*, вызванные ортографией, употребляются только несколько раз. Вариант *-ёк* выступает лишь с существительным *чай (чаёк)*, а вариант *-ек* с существительным *человек (человечек)*. Оба суффикса *-ок/-ёк/-ек* и *-к(а)* употребляются чаще всего в отрицательной функции.

Третье место, после предыдущих суффиксов, занимает суффикс второй степени субъективной оценки *-очк(а)/-ечк(а)*. Он встречается в тексте 37 раз. Вариант *-ечк(а)* используется только раз. Как и вышеупомянутые суффиксы первой степени, также суффикс *-очк(а)/-ечк(а)* встречается чаще всего в отрицательной функции.

Субъективно-оценочные суффиксы первой степени *-ик* и *-чик*, которые соединены к существительным мужского рода, тоже употребляются в повести довольно часто. Суффикс *-ик* встречается всего 35 раз, и он отличается от других суффиксов тем, что он выступает чаще всего в уменьшительном значении в тексте, всего 23 раз (См. таблицу 2, с. 48). В отрицательной функции этот суффикс употребляется 7 раз и в положительной 5 раз. Суффикс *-чик* встречается в нашем материале 17 раз, и в большинстве из случаев с ним связана отрицательная коннотация. В положительной функции этот суффикс не употребляется ни одного раза. (См. таблицу 2, с. 48.)

Суффиксы второй степени субъективной оценки *-онк(а)/-ёнк(а)* и *-ушк(а)/-юшк(а)* употребляются почти столько же часто. Суффикс *-онк(а)/-ёнк(а)* встречается всего 12 раз и суффикс *-ушк(а)/-юшк(а)* 11 раз. Оба суффикса выступают чаще всего в отрицательной функции. Правда, суффикс *-ушк(а)* используется тоже 5 раз в положительной функции.

Другие суффиксы субъективной оценки встречаются в нашем

материале реже, и частотность употребления их видно в таблице 5. О суффиксах *-ец*, *-ц(е)* и *-иц(а)*, которые используются в тексте всего 9 раз, надо сказать, что суффикс *-ец* употреблен только раз, в положительной функции. Суффикс *-иц(а)*, в свою очередь, употребляется два раза в уменьшительном значении. Между тем, как суффикс *-ишк(о)*, который употреблен всего 7 раз, каждый раз, имеет негативную оценку.

Мы делили субъективно-оценочные существительные на три большие группы по их значению в контексте. В следующей таблице показано, как часто существительные с субъективно-оценочными суффиксами употребляются в положительном, отрицательном и уменьшительном значении в повести.

ТАБЛИЦА 6 Существительные с субъективно-оценочными суффиксами по их значению в контексте.

Значение	Число	%
Положительная оценка	40	16,7
Отрицательная оценка	134	55,8
Уменьшительное значение	66	27,5
Всего	240	100

Как видно в таблице 6, в повести “Другая жизнь” существительные с субъективно-оценочными суффиксами чаще всего употребляются в отрицательной функции. Более чем половина из субъективно-оценочных существительных имеет отрицательное значение в тексте. Как показывают вышеприведённые примеры, категория “отрицательная оценка” может содержать очень разнообразные отрицательные оттенки человека к какому-либо другому лицу или к предмету. В нашем материале субъективно-оценочные существительные употреблялись для передачи пренебрежения, унижения, недооценки, иронии, раздражения, равнодушия, неодобрения, отвращения и т.д. Что касается значений,

которые субъективно-оценочные суффиксы передают исходному существительному, надо подчеркнуть большую роль контекста. От контекста зависит, какое значение субъективно-оценочный существительный получает, и одна и та же субъективно-оценочная форма может иметь совсем противоположное значение в разных контекстах (ср. примеры 34 и 53). Правда, существует несколько субъективно-оценочных существительных, которые всегда имеют отрицательный оттенок. Например, в нашем материале встретилась форма *исусик*, с которой всегда связана негативная коннотация. Тоже субъективно-оценочный суффикс *-ишк(о)* обычно передает исходному слову пренебрежительную окраску, как видно в нашем материале, где встречаются, например, субъективно-оценочные существительные *городишко* и *умишко*, в пренебрежительном значении.

Вторая по величине - группа субъективно-оценочных существительных, которые употреблены в уменьшительном значении. Они составляют среди всех случаев около 28 процентов. Следует, однако, отметить, что с уменьшительным значением часто связана тоже отрицательная или положительная коннотация (См. примеры 12 и 27).

Было интересно заметить, что меньше всего автор употребляет субъективно-оценочные существительные в положительной функции. Часть этой группы около 17 процентов. Категория "положительная оценка" включает себя положительные эмоции человека к какому-либо другому человеку, к предмету или к вещи. В нашем материале существительные с субъективно-оценочными суффиксами употреблены, в частности, для выражения ласкательности, одобрения, оценочности, близости и дружбы. Иногда положительные чувства связаны и с приятными воспоминаниями героини.

Наша задача была тоже рассматривать, как существительные с суффиксами субъективной оценки русского языка переведены на немецкий язык. В таблице 7 видно, какие средства переводчик употребляет в немецком языке.

ТАБЛИЦА 7 Средства перевода существительных с субъективно-оценочными суффиксами на немецкий язык.

Средство перевода	число	%
Суффикс субъективной оценки	65	27
прилагательное + существительное	45	19
основная форма от существительного	101	42
сложное слово	13	5
прилагательное / наречие	6	3
другая структура	5	2
не переведено	5	2
Всего	240	100

Из таблицы видно, что большинство, т. е. 42 процента, от субъективно-оценочных существительных переведено на немецкий язык основными формами существительных. Это значит, что во многих случаях перевод остаётся более нейтральным по значению. Например, выражение *unansehnliche Institution* ('невидное учреждение') передаёт значение уничижительности, и тоже контекст помогает в определении значения. В русском языке же употреблено то же прилагательное и кроме этого субъективно-оценочная форма, и таким образом оригинальный текст более выразителен. Надо, все же, отметить, что в эту группу входит несколько случаев, где существительное очень описательным, и перевод очень удачен. Такие существительные, в частности, *Bengel* ('мальчишка'), *Kate* ('домушка') и *Göre* ('девчонка'), которыми выражаются в тексте пренебрежительность.

Из субъективно-оценочных существительных 27 процентов тоже переведено на немецкий язык субъективно-оценочными существительными. Наиболее употребительными являются субъективно-оценочные суффиксы *-chen* и *-lein*. Больше всего употребляется

субъективно-оценочный суффикс *-chen*, который употреблен всего 49 раз из 65 раз, т. е. он составляет 75 процентов из всех суффиксов, употреблены в повести (см. таблицу 8). Суффикс *-lein* встречается только 12 раз, значит, его доля составляет 19 процентов из всех случаев, в которых употреблены суффиксы субъективной оценки. Суффикс *-i* и иноязычный суффикс *-ette* употребляются только по два раза в переводе. Суффикс *-i* используется в образованиях *Mutti* и *Pappi*, и эти формы встречаются в разговоре ребенка. Иноязычный суффикс *-ette* соединен к существительному *Amor* (> *Amorette*). Частотность употребления субъективно-оценочных суффиксов существительных в переводе показана в следующей таблице:

ТАБЛИЦА 8 Суффиксы субъективной оценки в немецком переводе повести “Другая жизнь”.

Суфф. субь. оценки	число	%
Суффикс <i>-chen</i>	49	75
Суффикс <i>-lein</i>	12	19
Суффикс <i>-i</i>	2	3
Суффикс <i>-ette</i>	2	3
Всего	65	100

По нашему мнению, эквивалентность является самой хорошей, когда переводчик употребляет субъективно-оценочные существительные. Конечно, надо отметить, что в немецком языке не всегда возможно употребить субъективно-оценочную форму, хотя её употребляют в оригинале потому, что в немецком языке система субъективно-оценочных суффиксов не так многообразно, как в русском языке.

В переводе употребляется тоже аналитическая структура прилагательное + существительное, как видно в таблице 7.

Существительное с прилагательным используется особенно тогда, когда в оригинале субъективно-оценочным существительным выражается уменьшительность. В таком случае эта структура является и уместной. Значение уменьшительности удачно выражено. Но существительные с прилагательными употребляются тоже в таких случаях, в которых в оригинале выражаются отрицательные или положительные оценки человека. Такие, например, следующие случаи: *ein gewissenloses Ding*, *ein klägliches Subjekt* ('человечек'), *ein blöder Lulatsch* ('дурачок') и *kleine, süße Spaniel* ('спаниельчик'). Во всех этих случаях речь идет о пренебрежительном значении, и здесь переводчик нашел хорошие варианты, которые передают то же пренебрежительную оценку, как в оригинале. В некоторых случаях, в которых в оригинале употреблено субъективно-оценочное существительное, в переводе используется сложное слово, вполне подходящее к данному контексту, например, *Elefantenbaby* ('слонёнок'), *Teufelsbursche* ('чёртушка'), *Aquarellschmiererei* ('акварелька') и *Blödmann* ('дурачок'). (См. таблицу 7.)

Несколько раз переводчик употребляет только прилагательное или наречие в немецком языке, например, *kleinköpfig* ('маленькая головка'), *kurzbeinig* ('коротконожка') и *auf orientalische Weise hübsch* ('красоточка'). В некоторых случаях, субъективно-оценочные формы переведены другим образом, например, выражение *ihr Verstand reichte aus zu begreifen* ('она соображала своим умишком'), где глагольной структурой выражается пренебрежительная оценка героини к другой женщине. Этот перевод удачен, и чувства презрения хорошо передаются на немецкий язык. Другими средствами немецкого перевода являются, например, причастие. Пять раз субъективно-оценочное существительное совсем не переведено, например, когда в оригинальном тексте начинается разговор, и субъективно-оценочная форма стоит в начале высказывания (*братец*, *мамочка*). Другие случаи такие, что в немецком тексте не надо повторять субъективно-оценочную форму.

6 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели суффиксы субъективной оценки у существительных в повести “Другая жизнь” и их переводы на немецкий язык. Как мы уже отметили, посредством суффиксов субъективной оценки можно выражать очень разнообразные оттенки экспрессии, положительные и отрицательные эмоции говорящего к какому-либо другому человеку, предмету или вещи. Эти суффиксы могут придать исходному слову и значение уменьшительности, с которым, однако, часто связаны и положительная или отрицательная оценка говорящего. Как показано в нашем материале, контекст играет важную роль в определении значения субъективно-оценочных существительных. Один и тот же суффикс может передавать разные и даже противоположные значения в разных контекстах, и не всегда легко определить значение субъективно-оценочных существительных, особенно трудно это иноязычному лицу.

На основании нашего материала можно сделать вывод, что автор, Юрий Трифонов, употребляет субъективно-оценочные существительные в повести “Другая жизнь” чаще всего в отрицательной функции. Часто с ними связана именно пренебрежительная окраска. Было бы интересно рассмотреть также его остальное творчество, чтобы увидеть, употребляет ли он субъективно-оценочные существительные в нем именно в той же

отрицательной функции. Надо подчеркнуть, что наши наблюдения касаются только одной повести Юрия Трифонова.

Нами было также рассмотрено, как субъективно-оценочные существительные в повести “Другая жизнь” переведены на немецкий язык. Как выше было уже отмечено, 42 процента из субъективно-оценочных существительных переведено основными формами существительных на немецкий язык и лишь 27 процентов - посредством субъективно-оценочных существительных. Тем не менее, переводы удачны во многих случаях, хотя переводчик не всегда употребляет субъективно-оценочные формы. Он использует описательные прилагательные и сложные слова. Часто, конечно, помогает и контекст в передаче значения и оттенков оригинала. В таких случаях, в которых в переводе употребляется только основная форма существительного, значение остается нейтральным и оригинальный текст более экспрессивен. Надо, однако, вспомнить, что система субъективно-оценочных суффиксов не так распространена в немецком языке, как в русском, и по сравнению с русским языком, для немецкого языка употребление субъективно-оценочной формы менее характерно. Иногда тоже трудно найти удачный вариант, чтобы эквивалентность между переводом и оригиналом была достигнута. В будущем было бы тоже интересно проанализировать какое-либо немецкое художественное произведение с точки зрения использования существительных субъективной оценки, и затем сравнить, как они переведены на русский язык.

ИСТОЧНИКИ

Трифонов. Ю. 1979. *Другая жизнь*. Повести. Рассказы. Москва: Известия.

Trifonow. J. 1976. *Das andere Leben*. Roman. (Aus dem Russischen übersetzt von Alexander Kaempfe). München: C. Bertelsmann Verlag GmbH.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов, В. В. 1972. *Русский язык* (грамматическое учение о слове). Москва: Высшая школа.

Виноградова, В. Н. 1984. *Стилистический аспект русского словообразования*. Москва: Наука.

Воротников, Ю. Л. 1988. Милое и малое. *Русский язык в школе*, 6, 62-66.

Гвоздев, А. Н. 1965. *Очерки по стилистике русского языка*. Москва: Просвещение.

Дементьев, А. А. 1953. Уменьшительные слова в русском языке. *Русский язык в школе*, 5, с. 5-11.

- Каласниemi, М. 1992. *Оценочный суффикс -#К- в русском языке*. Ювяскюля: University of Jyväskylä.
- Лукьянова, Н. А. 1986. *Экспрессивная лексика разговорного употребления*. Проблемы семантики. Новосибирск: Наука.
- Ожегов, С. И. и Шведова, Н. Ю. 1993. *Толковый словарь русского языка*. Москва: АЗЪ.
- Розенталь, Д. Е., Голуб, И. Б. и Теленкова, М. А. 1994. *Современный русский язык*. Москва: Международные отношения.
- Русская грамматика I*. 1982. Под ред. Н. Ю. Шведовой, Академия Наук СССР. Москва: Наука.
- Современный русский язык 1971*. Под ред. Н. С. Валгиной, Д. Э. Розенталя, М. И. Фоминой, В. В. Цапукевичем. Москва: Высшая школа.
- Шахматов, А. А. 1941. *Синтаксис русского языка*. Под ред. Е. С. Истриной, Ленинград.
- Шанский, Н. М. 1968. *Очерки по русскому словообразованию*. Москва: Издательство Московского университета.
- Шанский, Н. М. и Тихонов, А. Н. 1981. *Современный русский язык*. В трех частях. Часть II. Москва: Просвещение.
- Bratus, B. V. 1969. *The Formation and Expressive Use of Diminutives*. Studies in the Modern Russian Language 6. Cambridge: Cambridge University Press
- Duden Deutsches Universalwörterbuch*. 1989. 2., völlig neubearb. und stark erw. Auflage. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag.
- Duden Grammatik der deutschen Gegenwartssprache*. 1995. 5. Auflage. Mannheim; Leipzig: Dudenverlag.
- Erben, J. 1993. *Einführung in die deutsche Wortbildungslehre*. 3. Auflage. Berlin: Erich Schmidt Verlag GmbH & Co.
- Fleischer, W. & Barz, I. 1992. *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
- Russische Umgangssprache*. 1995. Koester-Thoma, S. & Zemskaja, E.A. (Hrg.). Berlin: Dieter Lenz Verlag.

- Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache*. 1997. 8. 7. Auflage.
Berlin und München: Langenscheidt KG.
- Stepanowa, M.D. & Fleischer W. 1985. *Grundzüge der deutschen Wortbildung*.
Leipzig: VEB Bibliographisches Institut.
- Weinrich, H. 1993. *Textgrammatik der deutschen Sprache*. Unter Mitarbeit von M.
Thurmair, E. Breindl, E-M. Willkop. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich:
Dudenverlag.
- Wellmann, H. 1975. Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen in der
Gegenwartssprache. Eine Bestandaufnahme des Instituts für deutsche Sprache,
Forschungsstelle Innsbruck. Zweiter Hauptteil: Das Substantiv. *Sprache der
Gegenwart: Band 32*. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann.
- Würstle, R. 1992. *Überangebot und Defizit in der Wortbildung: eine kontrastive Studie
zur Diminutivbildung im Deutschen, Französischen und Englischen*. Bonner
romanistische Arbeiten; Bd. 42. Frankfurt am Main: Peter Lang.